

ЖИТИЕ БЛ. ГОБЕРТА АСПРЕМОНСКОГО

Анонимный монах XIII в.

*Gobertus, Ordinis Cisterc., in abbatia Villariensi in Brabantia (B.), Vita auctore anonymo cœnobii Villariensis asceta, ex codice Ms. ejusdem cœnobii // AASS Aug. T. IV, pp. 377-393.
(В переводе опущены формально-риторические «Прологи»)*

В переводе Константина Чарухина

КНИГА I. МИРСКАЯ ЖИЗНЬ БЛАЖЕННОГО ГОБЕРТА

ВВЕДЕНИЕ К КНИГЕ ПЕРВОЙ

[8] Всемиловитый и всеблагый Господь Бог наш, желая, чтобы никто не погиб, но все люди спаслись и достигли познания истины (*ср. 2 П 3:9 и 1 Тим. 2:4*), приуготовал Себе от века избранные сосуды — людей по сердцу Своему, дабы стали они однажды царями, умеющими управлять собою сердцем, устами и на деле. Сердцем — право веруя; устами — чисто исповедуя (*ср. Рим. 10:10*); на деле — умиловляя [Бога] и творя справедливость. И дабы знали они по указанию Божию, как жить и как царствовать силою святого служения, причитающегося Богу, согласно сказанному: «познать Его — значит жить, служить Ему — значит царствовать» (*фраза приписываемая св. Бернарду Клервосскому. – прим. пер.*); отчего и блаженный Иоанн Апостол говорит: «Сия же есть жизнь вечная, да познают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (*Ин. 17:3*). И дабы знали притом, сколь совершенна и полна, по слову бл. Августина, та праведность, что велит любить Бога всем сердцем и всей волею прилепляться к Нему. Сам Бог предвидел их происхождение, как им предстояло явиться в сей мир; какую жизнь прожить; какой путь пройти; конец и смерть, какую преставиться от сего века. Кроме того, поскольку они были сотворены по совету Святой Троицы и возрождены деянием Божественного величия, то не беспричинно им по внушению Духа Святого было дано уразуметь, сколь много благодарности и любви должны они своему Создателю. И стать святыми! Ибо достойны Божия блаженства те, что оказались достойны оказанного доверия.

Итак, сии праведники презрели мир со всеми его деяниями, а сами с благой волей, любовью и лучшей надеждой, повинувшись заповедям Божиим, наслаждаются райским блаженством, возлюбив Христа единого и предпочтя Его всему тленному. Поэтому каждый из них радуется в Боге, просвещается во Христе и обновляется в Духе Святом.

[9] Непрестанно ликует о них и Святая Троица; веселятся о них ангелы и архангелы; веселится о них с усладою рай. Воистину, эти святые достойны хвалы, славны и во всём блаженны, ибо Господь предвидел их такими, какими, по Его благодати, они должны были стать. Ангелы и люди прославляют их за то, что они предпочли любовь Господа всему миру, а Господь, святой, праведный и истинный, даровал им Царство Своё, и славу, и великую благодать, дабы они вечно видели Его со святыми ангелами в радости.

К сему славному собранию святых мы небезосновательно надеемся причислить (исключительно по милости Божией) и этого досточтимого мужа, возлюбленного Богом и людьми – благоверного Гоберта. Хотя происхождение его было благородно по мирскому достоинству, оно стало ещё благороднее во Христе благодаря заслугам веры и добродетели. Славен он был своими предками, но паче обогащён добродетелями. Итак, поведаем же вкратце, каково было его происхождение.

ГЛАВА I. РОЖДЕНИЕ, ЮНОСТЬ, ВОИНСКАЯ ЖИЗНЬ, ПОХОД В ПАЛЕСТИНУ.

[10] Итак, досточтимый, прославленный и благоверный Гоберт, муж с отвагою в сердце и поступках, был наследником знатнейшего рода. Он явился на свет в Лотарингии; родители и сородичи, деды и прадеды его испокон веков отличались высочайшей знатностью. По мирским меркам семейство его было из самых почтенных, известное своей добродетелью и благородством нравов, а родовым его именем был многомощный замок Аспермонт. Родители его были весьма состоятельны.

Отец же его, по имени Жоффруа, имел двух сыновей. Первенца назвали Жаном, а второго — Гобертом. Оба мальчика были стройны, красивы и крепки, [заметно отличаясь] от всех своих сверстников. Однажды отец, взглянув на сыновей и внимательно их рассмотрев, решил, что младший сын, сиречь Гоберт, более, по мирским меркам, пригоден и способен к воинской службе. И передал ему (что вообще-то против мирских обычаев) в наследство все свои владения. А из старшего брата Жана, который казался менее способен к мирской воинской службе, он сделал клирика. Впоследствии тот стал сначала верденским, а затем мецским епископом.

[11] Так Гоберт, подобно ручью, струящему воды своих истоков, с нежных лет принялся в нравах и делах подражать мирской доблести своего рода, ибо исход событий доказал его благоразумие и рассудительность. А силы его были столь велики и развиты, что, несмотря на нежный возраст, он поражал телесной крепостью и могучим здоровьем; был воспитан, возвышен отвагою сердца, отличался благороднейшей обходительностью; являл верность во всяком великодушном деянии; неумолим был к надменным врагам, кроток с малыми и убогими, мудр и скромен в слове, твёрд в свидетельстве и совете, опытен в суждении и всегда готов пошутить. И хотя в ту пору, в нежном возрасте, он немножко стремился к земным почестям, однако взор духовный его оставался с любовью и страхом прикован к Создателю всяческих.

[12] По прошествии времени наш Гоберт, несмотря на юность, принял рыцарское посвящение и в молодые года не без охоты предавался мирским занятиям, будучи драчлив и пылок в телесных утехах, однако с Христовой помощью порочность его быстро обратилась в добродетель, ибо он воспринял учение Святого Духа и обрёл мудрость.

Не шла на пользу спасению его души мирская воинская служба, а поскольку написано: «Никто не может ничего принять на себя, если не дано будет ему с неба» (Ин. 3:27) (ибо «все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3:23) и «это зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» (Рим. 9:16)), то ему счастье пришло к нему от Господа, ибо Бог был его упованием (ср. Пс. 61:8). Он, смиловившись, возжёт в нём [священные] устремления, а затем укрепил в совершенстве. Ибо как не может быть разрушено то, что от Бога, так и то, что не от Бога, долго стоять не может. Как Сам Господь говорит: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Ин. 15:14)

[13] Итак, пока упомянутый рыцарь, благоверный сиречь Гоберт, ещё пребывал в мирской воинской службе и был знаменит паче всех сверстников, в его сердце стало перевешивать осознание, что мирская слава не будет вечной – на небеса её не заберёшь. Тогда он начал бояться Бога и чтить духовных особ, а также с великой нежностью полюбил Божию Матерь Марию. И среди растлевающей суеты мирской службы он стал столь набожен, что его в некотором смысле можно было бы назвать совершенным и в добродетелях вполне равным, дерзну сказать, какому-нибудь из святых.

С того времени он блюл заповеди Божии, а всяких греховных соблазнов избегал; не чинил вреда окружающим, а нищих одаривал с избытком. В нём было столько стремления к щедрости, что он в итоге роздал нищим и обездоленным куда больше того, что прежде у них отнимал. Верность в дружбе он хранил не менее, чем её искал; и не столько стремился к успеху, сколько подражал добродетелям.

Также и угнетаемым он помогал милосердно, непрестанно вспоминая при каждом добродееании, что Бог будет куда снисходительнее к нему, грешному, если он постарается поддержать всех беззаконно угнетаемых, ведь пророк о том говорит: «Когда праведный будет падать, не упадёт, ибо Господь поддерживает его за руку» (ср. Пс. 36:24).

[14] Более того, рыцарь Божий, благоверный Гоберт, возвысившись над бурей мирской службы, начал принимать близко к сердцу всякое дело Божие и церковное, желая, если бы мог, совершить его в одиночку и, подобно члену, собственной силою поддержать Главу. И ближних он возлюбил ради Бога так, что желал, если б мог, всем помочь и даже врага ни в коем случае не захотел бы обмануть. Он защищал слабых от сильных, несправедливо их притесняющих; вспомоществовал вдов и сирот; оберегал подвластных людей от обид, защищая их собственной рукой от всякой несправедливости; довольствовался своим жалованием (ср. Лк. 3:14); щадил врагов ради Бога; помогал ближним, как было сказано; любил и боялся Бога превыше всего и прежде всего – так что казалось, что он уже исполнил повеление Господа, говорящего в Евангелии: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим» (Лк. 10:27); и: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Лк. 10:27).

[15] И вот однажды, человек Божий, благоверный Гоберт, при содействии Божественной благодати вдохновился отмстить за бесчестие, которое неверные на Святой Земле Иерусалима чинили Господу: сокрушить идолопоклонство неверных; истуканы рукотворные – деревянные и каменные, да всякого рода из металла литые, глухие, бессмысленные, слепые и немые, – если удастся, разрушить и возвеличить там богопочитание.

Пока человек Божий помышлял так в сердце своём и укреплял душу в сем рассудительном решении, некий многогнусный римский император по имени Фридрих (II), который втайне был неверным, как впоследствии многим стало ясно из опыта, собрался отправиться во Святую Землю Иерусалима, дабы прикрыть своё нечестие ложной видимостью добродетели. Итак, сей подлый император, стоявший с большим войском на берегу моря (*т.е. в порту, возможно, Бриндизи, откуда предстояло отплыть в Святую Землю. – прим. изд.*), стал хитростью завлекать упомянутого рыцаря Божия, благоверного Гоберта, то лживыми словами, то обещаниями, то мольбами, то дарами, да и приобрёл его себе в соратники на упомянутый поход.

Поскольку же честный рыцарь поверил, что упомянутый император направляется в Святую Землю с настоящим [крестовым] походом, то в этом походе подчинился его власти. Приняв знак Христа [на одежду, как истинный крестоносец], он во имя Божие в почёте и достатке спокойно переправился на Святую Землю.

[16] Притом рыцарь Божий, всячески окружённый оглушительными мирскими почестями (что он, однако, ни во что не ставил), озаряем был и благодатию Божией, а потому, отбросив заботу о мирской славе, неизменно оставался предан служению Богу. Зная, что не полезно разрываться, служа одновременно двум господам, он предпочёл во всём служить своему Создателю и Блаженной Марии, Богородице, отложив всякое мирское служение, словно размыслив над тем, что Господь говорит в Евангелии: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не пригоден для Царствия Божия» (Лк. 9:62).

Поэтому, желая приблизиться к Всевышнему Богу и благоговейно служить Блаженной Деве Марии, он в пути учил Часы сей Преславной Богородицы и Девы Марии, не обращаясь к играм в кости иль шашки, дабы не порочить своё служение суетными развлечениями. И каждый день он читал Часы Блаженной Девы Марии, а также ежедневно просил в своём присутствии совершать канонические Часы к хвале и чести Божией, [каковые] по причине благочестия своего [слушал] с величайшим удовольствием. Так он был набожен, что казалось, будто уже подражает монашескому житию.

[17] Сверх того, человек Господень, благоверный Гоберт, пожелал не только лишь своего, но и спасения ближних, согласно тому евангельскому изречению: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39). Поэтому он проповедовал своим соратникам и челядинцам слова спасения, дабы их души питались духовной пищей и хлебом насущным. Говорил он им также о тщете падшего мира, о стремительном увядании плоти, о многохитром искушении дьявола, о всеблагодатной доброте Божией и о вечности нескончаемой славы. Итак, каждый день он увещевал их, дабы они ради Бога охотно претерпели все невзгоды ради обета крестного; призывал вспоминать, как, чем и скольким Бог вознаградит тех, в ком предвидит Своих: верой и правдой [Ему служащих]. Ведь Он воздаст за суетное — истинное, за невнятное — явное, за бесполезное — полезное, за горькое — сладкое, за ненавистное — достолюбезное, за отвратное — приятное, за дешёвое — драгоценное, за зловонное — благоуханное, за преходящее — вечное, за земное — небесное, за мгновенное — во веки веков пребывающее.

Сими и подобными он их увещевал, дабы не сравнивали земные тяготы с вечным воздаянием, обдумав то, что Писание говорит в другом месте: «Ибо нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас» (*Рим. 8:18*). И убеждал их такими и многими другими доводами не бояться тягот сей жизни, напоминая, что Бог претерпел за Своих избранных куда больше, чего ни один смертный не смог бы вынести хотя бы в течение одного часа. Это ясно из слов пророка, говорящего от лица Христа: «О, все проходящие путём! Взгляните и увидите, есть ли боль, подобная моей боли!» (*Вульг. Плач Иер. 1:12*).

Поистине хорошо служить такому рыцарю и в некотором роде государю, который по врождённой своей доброте радуется об окормлении своих соратников как телесной, так и духовною пищей.

ГЛАВА II. БЛАЖЕННЫЙ ГОБЕРТ ЗАЩИЩАЕТ ХРИСТИАН ОТ ОБИД ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА И ПОСЕЩАЕТ СВЯТЫЕ МЕСТА.

[18] Итак, упомянутый Фридрих и благоверный Гоберт днём и ночью плыли по морским просторам, а моряки держали путь по созвездиям.

Когда же они прибыли на Святую Землю Иерусалима, все, взойдя от берега морского вглубь суши, установили множество шатров и знамён, ибо Фридрих спешил разбить храмовников. Когда это было сделано, весть о том событии долетела и до тамплиеров.

И вот этот император Фридрих, многогнусный отступник, теснил их со стороны моря, держа множество кораблей, оснащённых оружием и воинами на морском берегу, так что госпитальеры, тамплиеры и другие христиане из разных обителей не могли и не смели показываться Фридриху. Между тем, великому магистру Иерусалимского Госпиталя и верховному наставнику храмовников пришла весть, что сюда из-за моря прибыл некий рыцарь преславный, вседоблестный и могучий воитель по имени Гоберт Аспремонский, чья слава ярко блистала во Франции и имя чьё внушало там трепет повсюду; тот, кто никогда не встречал себе равного в бою во всех заморских краях – с его-то помощью им по милости Божией может в беде стать полегче. Услышав сие, они возрадовались и сказали: «Благословен Господь, живущий на Сионе (*ср. Пс. 134:21*), Который смиростивился над нами (*ср. Вульг. Руфь 2:19*). Воистину, смиростивился Господь, ибо призрел на народ Свой, не оставив уповающих на Него (*ср. Иуд. 13:17*). Ибо кто уповал на Него и был оставлен Им? (*ср. Сир. 2:10*)»

[19] Тогда магистр иерусалимского Госпиталя и наставник храмовников, да и [все] тамплиеры принялись уговаривать Христова рыцаря Гоберта и латинян, и многими мольбами упрашивать его, дабы он соизволил помочь им против врагов Церкви и защитил их от нечестивого императора. Они-то и раскрыли человеку Божию его коварство. Услышав сие, славный рыцарь Христов Гоберт, поразившись, стал спрашивать, могло ли это так случиться. Но, призвав многих надёжных свидетелей и иноков, тамплиеры доказали благоверному Гоберту, что это правда.

Человек же Божий, презирая пустую славу мира и приятность всех лестных похвал, без велеречия сказал, что может мало, а точнее, ничего не может без Господа. Однако с благопоспешением Божиим он хотел бы попрасть врагов Святой Земли и защитить Католическую веру, ибо готов ради Бога идти на труд и на смерть. И когда человек Божий разглядел, что Фридрих готовит такое против тамплиеров, и когда разглядел в его сердце, словах и делах признаки, свидетельствующие о его неверии, то, будучи исполнен ревности Божией, от Фридрихова войска отделился (поскольку не безопасно католикам жить с неверными, дабы прикасающийся к смоле не очернился ею (*ср. Сир. 13:1*)), он со своими рыцарями и всеми, кого смог привлечь в союзники, и поспешил на помощь храмовникам.

[20] Итак, ступив на землю благословенную, новобранец Христов с великим сердечным умилением помолился, воздав благодарение Богу Всевышнему за то, что избавил его от волн и опасностей моря и невредимым привёл раба Своего во Святую землю. При этом, однако, человека Божия объяла тоска и стыд из-за того, что застал он Святую землю Иерусалим лишённую всякого служения Божественному величию, а служителей Божиих – в нищете; обнаружил, что в ней обитают поклонники идолов, а христиан там немного, причём тех, что были, тяжко угнетал страх смерти, так что они не смели из-за страха перед язычниками удаляться от замковых и городских стен, ибо на укреплениях их теснили язычники, а со стороны Океана опаснейше грозил отступник Фридрих. Там он увидел некоторых, от страха смерти как бы полуживых, а некоторых как бы бездыханных. От страха смерти они, казалось, неспособны были вести бой, а могли [лишь], жалко стеная, сердцем и устами голосить: «Пощади, Господи, пощади народ Твой (*ср. Иоил. 2:17*), который искупил Ты, Христе, драгоценною кровью Твоею!»

[21] Магистр Госпиталя и верховный наставник тамплиеров, а также прочие христиане, приняв человека Божия, благоверного Гоберта, пришедшего им на подмогу, возрадовались радостью чрезвычайно великой. Также и те, кто сперва обессилел от страха смерти, взялись в искреннем воодушевлении за оружие. Началась великая суматоха по всей подвластной христианам области: [защитники крепости] с оружием в запале побежали к кораблям, а Гоберт со своими соратниками и народом, присоединившимся к нему, помчался на помощь госпитальерам и тамплиерам. Остальные же христиане обороняли свои замки.

Слуги Божии, хоть и мало их было, [прониклись надеждою], что, храня верность Церкви и христианскому благочестию, им удастся разбить Фридриха, вероломного императора-отступника, ибо знали, что победа зависит не от того, много их или мало, но как будет воля на небесах. Вспоминалось им пророческое слово Псалмопевца, говорящего: «Не на силу коня смотрит Он, не к быстроте ног человеческих благоволит, – благоволит Господь к боящимся Его, к уповающим на милость Его» (*Пс. 146:10-11*). И в другом месте: «Одни – на колесницах, другие – на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем» (*Пс. 19:8. – пер. П Юнгера*).

[22] Итак, человек Божий, благоверный Гоберт, во имя Святой Троицы, со своими рыцарями и челядью (вооружёнными в помощь, как сказано выше, братьям госпитальерам и тамплиерам), взойдя на стены, приказал поднять высоко и установить над зубцами свои знамёна и хоругви, дабы, увидев это, Фридрих и враги христиан смутились и обратились в бегство. Фридрих же, проплывая по морю, увидел развевающиеся знамёна и грозные хоругви, воздвигнутые высоко над стенами, и с изумлением спросил, что это значит. И некто молвил ему в ответ: «Государь мой, то знамёна и хоругви вседоблестного и многомогущего рыцаря Гоберта, владыки Аспремонского». Услышав это, Фридрих весьма опечалился, что тот столь неожиданно покинул его. И, смутившись душою, со стоном проговорил: «Небезопасно мне с ним сталкиваться при нынешних обстоятельствах, а то ещё, чего доброго, попаду к нему в плен. Повернём же быстрее паруса боком, дабы окольным путём отступить». Так Бог руками Своего рыцаря спас несчастных рабов Своих.

Сии и многие иные деяния совершил Бог рукою Своего слуги Гоберта, а потому, если бы мы попытались описать всю его жизнь, то перо исписалось бы прежде, чем удалось бы дойти до последней строки, да и времени у читателя не хватило бы прочесть всю историю строчку за строчкой. Но поскольку подробные описания утомительны и долги, то, дабы не навевать на слушателя тоску, мне надлежит поторапливаться, всячески придерживаясь краткости.

[23] Между тем, в столь суровой опасности отважный сей рыцарь Божий дал обет Господу: если милосердие Божие окажет ему и его помощникам такое содействие, что они одолеют Фридриха, оставшись здоровыми и невредимыми, то он попытается посетить Гроб Господень и Крест в святом городе Иерусалиме. Поэтому, когда Фридрих был обращён в бегство, тамплиеры стали искренне досадовать, говоря: «Ах, как жаль! Почему этот супостат так сбежал? Почему так пропал гонитель справедливости? Почему так тайно бежал от нас безнаказанным сей любитель обмана и нечестия?» На это рыцарь Христов, благоверный Гоберт, молвил им: «За сие великое чудо вы должны воздать Господу хвалы достойные, повторить возданные, удвоить повторённые, ибо то, что столь могущественный государь, весьма искушённый во всяком воинском деле, притом в сонме вооружённых рыцарей и бесчисленных отрядов так робко бежал от лица рабов Господних, это гораздо важнее, чем победить оружием и поверженного обратить в бегство».

[24] Итак, после бегства Фридриха, человек Божий, благоверный Гоберт, памятуя сказанное в Писании: «Делайте и воздавайте обеты Господу» (*Пс. 75:12*), отправился в Иерусалим, чтобы исполнить обет, ибо лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить (*Еккл. 5:4*).

Вот так досточтимый и верный раб Божий, как и обещал, взошёл в Иерусалим, не в льняных, но в шерстяных (*non in lineis, sed in laneis*) одеждах, босой; не верхом, но пешком, дабы быть достойным странствовать ради Господа. Тот (Христос) ведь взошёл в святой Иерусалим, сидя на ослёнке; этот же – на собственных плотских ногах своих. Тот дал пример укрощения плоти иносказательно (*ср. Вульг. 1 Кор. 13:12*); этот же по примеру Божию поправ в силе Божией (*ср. 1 Кор. 2:5*) собственную плоть.

Когда же муж, исполненный Бога, взошёл в святой город, возблагодарил Бога и сказал: «Благодарю Тебя, Тебя, Господи Боже, Царь неба и земли, за то, что Ты не пощадил Сына Своего Единородного, Господа моего Иисуса Христа, ради меня; но послал Его на землю эту искупить меня; а меня, странствующего, изволил привести на Святую землю».

А ещё во время сего восхождения в Иерусалим к человеку Божию пристала сильная болезнь, поразившая его ноги, от которой он за всю свою земную жизнь так и не смог вылечиться. Сию болезнь надобно разуметь как особый знак любви. Ибо Писание говорит: «Кого люблю, того обличаю и наказываю» (*ср. Отк. 3:19*). И в другом месте Писание молвит: «Кто изымается из-под бича, тот изымается из числа чад» (*фраза, в разных вариантах чаще приписываемая св. Григорию Великому. – прим. пер.*). И в другом месте: «Бог бьёт всякого сына, которого принимает» (*ср. Евр. 12:6*).

[25] Гоберт же с веселием духа восприял удар Божий, словно бы радостно предвкушая, [что на нём исполнится изречение]: «Как золото очищается в горниле, так тяготы скорбей испытывают сильных» (*ср. «Как печь испытывает золото, так людей праведных – скорби», Anselmus Laudunensis, Liber Exodus, cap. XIV. – прим. пер.*). Радуйся, Гоберт, ибо в столь святом паломничестве ты снискал таковое знамение болезни, что оно будет тебе великим свидетельством паломничества твоего пред высшим Судьёй на вечное воздаяние.

Итак, человек Божий, с величайшим усердием исполнив обет крестоносца (*voto crucis*) во Святой земле, по морским путям и земным тропам целый и невредимый (за исключением упомянутой немощи ног), совершенно благополучно возвратился на родину.

ГЛАВА III. БЛАЖЕННЫЙ ГОБЕРТ, ВЕРНУВШИСЬ ИЗ ПАЛЕСТИНЫ, СОВЕРШАЕТ ПАЛОМНИЧЕСТВО К СВЯТОМУ ИАКОВУ; ЗАТЕМ ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ СВОИМ ПОДДАННЫМ И БРАТУ, ТЕСНИМОМУ ВРАГАМИ.

[26] Когда благоверный слуга Божий Гоберт возвратился на родину, он продолжил слушать Часы Пресвятой Девы и Богородицы Марии и литургию Часов, в чём упражнялся при паломничестве во Святую землю. Так, не отступая от доброго, но твёрдо придерживаясь святого жития, он стремился с величайшим благоговением служить Богу и Пресвятой Деве Марии, дабы не оказаться среди тех, о ком Писание говорит: «временем веруют, и во время искушения отпадают» (*Лк. 8:13*). Слушая Божий официй и читая Часы Пресвятой Девы Марии, он сердцем неизменно устремлялся к Богу, дабы о нём не было сказано то, что молвил Господь о небрежных: «Народ сей чтит Меня устами своими; сердце же их далеко от Меня» (*Вульг. Мф. 15:8*).

Многokrатно случалось человеку Божию, что, идя пред рассветом на утренние Часы, он из опасения перед врагами не смел идти без оружия (*Вероятнее всего, это происходило в Палестине, так что временной порядок здесь, по-видимому, не соблюден. – прим. изд.*), и всё же он предпочитал идти с великим страхом на поклонение Богу, нежели безбоязненно покоиться в этот час на своём ложе – словно перед взором его стояли евангельские слова: «Любящий душу свою (в этом мире, конечно) погубит её; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит её в жизнь вечную» (Ин. 12:25).

Часто до рассвета он ходил с оружием на Божий оффиций, причём «до рассвета» я говорю из-за того, что в Святой Церкви поётся: «Не напрасно вы встаёте утром до света» (*«Non sit vobis vanum mane surgere ante lucem, quia promisit Dominus coronam vigilantibus. Не напрасно вы встаёте утром до света, ибо Господь обещал венец бодрствующим»*, приветственный антифон на первое воскресенье Великого поста. – прим. пер.). Ведь он взялся за оружие против двойного врага – видимого и невидимого, словно бы взирая на то, что Господь говорит в Евангелии: «Когда сильный с оружием охраняет свой дом, тогда в безопасности его имение» (Лк. 11:21).

[27] Помимо того, рыцарь Христов, благоверный Гоберт, желая обратить весь плод воинского своего труда во благо, свершил паломничество к Святому Апостолу Иакову, но не оставлял при этом служения Пресвятой Деве Марии. Напротив, всегда готовый служить Ей, он ежедневно в первый час дня искал церковь, где мог бы внимать священному чину Божественной литургии, дабы душа его ежедневно могла укрепляться Телом Христовым.

Именно в таких свершениях рыцарь Божий день за днём наипаче проявлял свои воинские доблести, согласно слову евангельскому: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и всё это приложится вам» (Мф. 6:33).

Равно был он совершенен на пути туда и обратно, и поступал всё лучше и лучше, так что в нём воочию исполнилось сказанное в Писании: «Будут идти от силы в силу, доколе не увидят Бога богов на Сионе» (ср. Вульг. Пс. 83:8).

[28] Кроме того, когда рыцарь Божий, благоверный Гоберт, возвратился в землю, по наследственному праву ему принадлежавшую, граф де Бар начал безжалостно теснить его владения и люд – да так, что обитатели той земли из страха смерти не осмеливались более жить в привычных местах или домах. Тогда к Гоберту пришли рыцари его отчины, а также селяне и челядинцы. С великим стенанием они жаловались и говорили: «Сударь, что ты делаешь? Кто когда-либо беспокоил твою землю и люд, по праву или без права, в твоём присутствии? Почему ты позволяешь нам терпеть гнёт столь бесчинного графа? Возьмись снова за ратное оружие; не позволяй нам и впредь подвергаться столь безжалостным разорениям, а наследникам твоим оскудевать наследством».

Хотя человек Божий уже решил в сердце своем более не следовать бесплодному мирскому воинствованию, однако сердце ему говорило, что не будет то угодно Богу и людям, если он позволит погибнуть людишкам своим, оставив их без предводительства. Воспылав лютейшим гневом, он взялся за оружие и собрал воедино своих рыцарей, челядь и крестьян. Ринувшись на усобицу против названного графа, он вторгся в землю противника своего с оружием, всё предавая огню. Противники его не могли и не осмеливались ему противиться, ибо Бог сражался за него (*ср. Нав. 10:42*) и поставил имя его превыше всякого имени рыцарского (*ср. Флп. 2:9*). Видя сие, граф де Бар не осмелился выйти ему навстречу, но пообещал беспрекословно исполнить всякое пожелание названного Гоберта и заключил с ним мирное соглашение. Так человек Божий освободил свою отчину и люд от столь тяжкого утеснения.

[29] Сему благороднейшему мужу, благоверному сиречь Гоберту, родным братом по сердцу, уму, слову и делу был Жан, епископ Мецский. Одно время граф де Бара со многими другими князьями так утесняли его, что даже осадили с одной стороны город Мец, так что жители едва нашли и силой [заставили взяться за] мечи [тех, кто мог сражаться].

Об этом-то бедствии епископ Мецский оповестил брата своего, благоверного Гоберта, многими мольбами упрасывая, дабы тот не замедлил прийти ему на помощь в столь крайнем бедствии. Однако благоверный Гоберт, выслушав вестника, не осмелился повести подданных своих в Мец, опасаясь, как бы не захватили замки его, если земля его обезлюдует.

Поэтому человек Божий задумал нечто удивительное, что впоследствии и совершил, и нелегко было бы кому-либо подобное измыслить. Зная, что слава его имени способна устрашить противников брата, он вознамерился пойти в Мец скрытно.

Итак, надев облачение возницы, не подобающее рыцарской знатности, а именно: изорванный табард, испещрённый грязными земляными пятнами, и жуткую рубаху, которая на вид была соткана, скорее, из грубой то ли ослиной, то ли верблюжьей шерсти, нежели из тонкой английской; да ещё жёсткие сапоги, столь долгое время [нечищенные и] пересохшие, что от недостатка смазки на боку их виднелись широкие трещины; ну и к этим сапогам, как то положено возницам, были пришиты шпоры. Да и конь, на которого он воссел, был до того худ, что казался скорее деревянным, чем плотским, а на обоих боках у него повыпадала шерсть от постоянного трения об оглобли. Вот так основательно благоверный Гоберт себя приуготовил, дабы скрыть, что он – владыка Аспремонский. А с собою он взял двух сельчан в подобном же одеянии.

Многих он встретил на пути, но никем не uznанный, со своими сельчанами в подобном одеянии спокойно добрался до Меца и был в том городе принят с великой радостью.

[30] И вот, когда стремительная весть разнеслась по всей стране и по городу Мецу, она устрасила вооружённых пришельцев, ибо скоро облетела лагерь и шатры войска. С его прибытием епископ и граждане Меца воспрянули духом и возрадовались, а их противники пали духом и устрашились. Будто бы вспоминая, как филистимляне, перепугавшись, говорили о сынах Израилевых: «Бог тот пришёл к ним в стан! Горе нам!» (1 Цар. 4:7, 8), так и они устрашились жителей Меца при прибытии благоверного Гоберта, словно бы молвив: «Никто против них: ибо Бог поборает за них» (ср. Исх. 14:25). Поскольку желанное утешение и величайшая сила пришли в их стан, бежим от лица их или заключим с ними мир (ср. 1 Мак. 11:9). Таким образом, противники города были так поражены ужасом при прибытии человека Божия, многомогущего Гоберта, что заключили с мецским епископом выгодный ему мир. По заключении этого мира благоверный Гоберт, получив разрешение от своего брата, мецкого епископа, возвратился на родину, восхваляя и прославляя за одержанную победу Господа нашего Иисуса Христа, Который живёт и царствует во веки веков. Аминь.

КНИГА II.

ГЛАВА I. БЕЗБРАЧНАЯ ЖИЗНЬ БЛАЖЕННОГО ГОБЕРТА; ПРЕЗРЕНИЕ К МИРСКИМ ВЕЩАМ; ВСТУПЛЕНИЕ В ВИЛЛЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

[33] Хотя благоверный Гоберт... весьма могуществен во всех благах земных (*лакуна в рукописи. – прим. пер.*), однако оставив всё ради Бога... (*то же. – прим. пер.*) как Господь молвит: «Кто не оставит отца и мать, и жену, и детей, и поля, и все, что имеет, не может быть Моим учеником» (ср. Мф. 19:29, Лк. 14:26, 33). Когда же человек Божий ради Бога всё оставил, то уже не оглядывался назад ни умственным оком, ни плотским, согласно тому, что молвит Господь: «Всякий человек, положивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не пригоден для Царствия Божия» (ср. Лк. 9:62). Слуге Своему Бог обещал, что, поскольку Он устранился от плотского общения на земле, то на небесах Он соединит его вечным браком с ангелами.

Так да устыдятся же те, кто, не будучи связан узами брака и не защищен им, оскверняют себя нечестивыми смешениями внебрачными! Ибо человек Божий, могучий во всякой добродетели, не просто обычный рыцарь, но и муж знатнейший древнего рода, телом крепкий, видом внушающий трепет, словом грозный и, как граф славнейшей доблести, весьма могущественный в делах земных – и тот уклонялся от незаконных объятий.

[34] Многими богатствами, коими пользовался, он, пренебрегши, не просто презрел их как ничтожную тщету, но ради Бога возгнушался ими, словно подлым навозом. В сердце его будто было начертано то евангельское изречение Господа: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Небесное» (ср. Мк. 10:25). Вспоминал он и слова Иеронима: «Всякий богач либо нечестивец, либо наследник нечестивца» (*народная поговорка, увековеченная св. Иеронимом в Epist., 12, 1, 7. – прим. пер.*). И дабы не упорствовать в плотской распущенности, он памятовал изречение пророка Иоиля: «Одряхлел скот в навозе

своём» (*ср. Вульг. Иоил. 1:17*); сие означает, что люди плотские в смраде роскоши оканчивают жизнь свою. Поэтому человек Божий елеем покаяния, елеем милостыни, елеем милосердия и тройственным елеем любви угасил огонь мирских вожделений – и так, предваряемый милосердием Божиим, заслужил победный венец вечного воздаяния.

[35] Итак, от начала обращения досточтимого и возлюбленного Богом благоверного Гоберта, Просветитель всех народов так осветил его сердце Своим всеблагостным милосердием и исполнил благодатью Святого Духа, что он своё многославное происхождение, переданное ему с кровью предков и пращуров, стал почитать за такую малость, что, презрев всякое надмение и уподобившись нищему, устремился в Виллерский стан нищих Христовых.

Однажды муж богоизбранный задумался в сердце своем и рассудил, что мирское воинствование и вся мирская слава – будто прах пред лицом ветра (*ср. Пс. 17:43*). [И потому], презрев всё мирское и плотское, [он от них удалился], словно в сердце его было написано то, что молвит Августин: «Мир говорит: иссякну; плоть восклицает: предам; диавол восклицает: разрушу; Господь восклицает: восстановлю. За кем последуешь, человеце, за кем последуешь?» (*cf. Ps. Aug. Soliloquiorum animæ ad Deum liber, 13 PL 40 0874*)

[36] Гоберт же, желая внять Богу, с той же твёрдостью, с каковою прежде упражнялся в мирском воинствовании, решил принять воинствование священное, духовное – дабы как с усладою служил миру, так с усладою служить и Богу, согласно слову Апостола: «Как вы предавали члены ваши в служение беззаконию на беззаконие, так ныне представьте члены ваши в служение Богу для освящения» (*ср. Вульг. Рим. 6:19*). Если же победа рыцаря доставляет хвалу императору, то умолчавший о том, за что [Бог] прославляется в избранниках Своих, наносит как бы некий ущерб хвале Создателя. Впрочем, ни Создатель не нуждается в прославлении человеческими устами, ни избранники Его – в восхвалении. Это мы до крайности нуждаемся в том, чтобы восхвалять [Его], ибо Тот, Кто один ни в чем не нуждается (как написано: «Блага мои Тебе не нужны» (*Пс. 15:2*)), Он необходим всем. Взирая на сию нашу столь великую нужду в прославлении Бога, Пророк говорит: «Хвалите Господа во святых Его» (*Вульг. Пс. 150:1*).

[37] Всемогущий Бог совершил в крепчайшем атлете Своем тройственное воинствование, дабы тот, сражаясь, победил трёх врагов, а именно: мир, плоть и диавола... и дабы сие тройственное воинствование его в одном воине послужило Святой Троице, бытийствующей во единой сущности. Посему и рыцарь Христов, дабы твёрже и с большим усердием предаться воинствованию священному и духовному, возжелал присоединиться к монашескому обществу Цистерцианского ордена, стал искать себе подходящую обитель. Обойдя многие земли и многие киновии, он добрался до Нивеля, ибо слышал добрую молву о благочестивых женщинах, сиречь бегинках, там проживавших. Среди прочих он нашёл там одну деву, которая по причине досточестного своего жития своей была угодна Богу, имя той девы было Эмелот. Каковое имя этимологически можно произвести от «э» (что значит «вне») и «мелос» (что значит «песнь»), то есть как бы: «вне мирской песни».

[38] Сей-то деже благоверный и всеправдивый Гоберт и открыл тайные [помыслы] сердца своего об обращении [к иноческому житию]. Поведал он ей также, как, обойдя многие места, искал обители, где мог бы водвориться как монах со святыми мужами. И просил её сей ревностный новобранец молить Бога о нём, ибо, не найдя себе подходящей обители, он засобирается уж возвращаться на родину. На это досточтимая дева Эммелот, исполнившись Божественного вдохновения, ответила: «Прошу тебя, сударь мой, и страшно заклинаю: прежде чем возвратишься вспять, сходи в Виллер. Там ты без сомнения найдёшь мужа совершеннейшего, монаха по имени Абунд. Он скажет тебе всё, что надлежит делать».

[39] Услышав сие, муж добрейший, благоверный Гоберт, возрадовался радостью чрезвычайно великою. И отправился боголюбивый муж в путь, и добрался до Виллера, и нашёл там смиренного Абунда. Найдя его, он открыл ему все свои тайны и заботу свою, не дававшую ему покоя, полностью доверил. Абунд же, монах набожный и благочестивый, приняв близко к сердцу заботу досточтимого и верного рыцаря, благоверного Гоберта, спросил о том блаженную и Преславную Деву и Богородицу Марию, Которую после Бога любил с особою силой и несравненною нежностью.

[40] Когда раб Божий Абунд попросил о совете Пресвятую Деву Марию, то по Божию позволению получил от единственной своей другини ответ и сказал: «Здесь! Бог и Пресвятая Дева Мария желают, чтобы ты остался [здесь], ибо это как бы твоя земля обетованная, через которую ты сможешь достичь отчизны воздаяния». Ну а Гоберт, тотчас же внутренне восплавав огнём Божиим, полностью положился на совет досточтимого Абунда.

Так возрадуемся же! Ибо чем был Анания для апостола Павла, тем стал досточтимый Абунд для благоверного Гоберта. Тот наставил Павла, неистово лютовавшего против христиан, в католической вере; этот научил Гоберта – прежде слишком сурового к врагам рыцаря, гордого любителя мира – мир презирать, гордыню смирением сокрушать, любить врага ради Бога и соблюдать всё монашеское благочестие. Да возрадуется посему овчарня, чей агнец стал наставником свирепого волка! И не менее радуется овчарня Виллерская, которая призывает своих избранников и из дальних краев собирает их воедино, подобно птице, собирающей птенцов под крылья (ср. Мф. 23:37). О чем и Церковь поёт: «Собрал нас Христос для Своего прославления» (*антифон Страстной пятницы. – прим. пер.*); и также: «Собрала нас воедино любовь Христова. Устрашимся же и возлюбим Христа Бога [И друг друга от чистого сердца!] Где милость и любовь, там Бог» (*традиц. гимн. «Ubi caritas», исполняемый в Четверг Страстной недели. – прим. пер.*).

[41] Итак, Гоберт, воспользовавшись советом досточтимого Абунда, по провидению Божию избрал [из множества обителей] Виллер в Брабанте, монастырь Цистерцианского Ордена, будто в сердце его было написано то пророческое слово Псалмопевца: «Это покой Мой во веки веков. Здесь обитать буду, ибо Я избрал его» (ср. Вульг. Пс. 131:14). Там он тоже не сразу решил стать монахом, не порывисто, но

по святейшем размышлении, словно бы памятовал в сердце своём, что Господь говорит через Псалмопевца: «Со святым будешь свят, и с мужем невинным невинен будешь» (*Вульг. Пс. 17:26*). Но поскольку ему показалось, что он нашел там много невинности и благочестия, то решил именно там начать монашеский подвиг, что и свершилось (*Фома Кантипратанский, который скончался в тот же год, что и бл. Гоберт, в книге 2 «О пчелах», главе 26, № 6, говоря о святых братиях Виллерского монастыря, утверждает: «В этом монастыре мы видели многих святых, и большинство из них прославились духом пророчества и чудесами». – прим. изд.*).

Да возрадуется же сонм Виллерских монахов, в чьём собрании могучий и несгибаемый рыцарь стал нищим и смиренным монахом! Несгибаемый стал гибким, а могучий – братом смиренным, меньше малого, словно фиалка, благоухающая ароматом прекраснейшим. Ибо там жизнь его повсюду подавала примеры превосходного подвига, и как цветок достолюбезен в цветении, так благоверный Гоберт стал достолюбезен в своём святом подвиге; особенно же, когда, приобщившись к сему собранию, он процвёл рвением и набожностью.

ГЛАВА II. РАЗЛИЧНЫЕ ДОБРОДЕЛИ БЛАЖЕННОГО ГОБЕРТА.

[42] И вот пришло время, когда с годами благоверный Гоберт расцвёл в подвиге своего нового, святого воинствования: словно бы освободившись от чего-то, он единым порывом духа пробежал путь святости. Став монахом, он возлюбил всех братьев в Боге и ради Бога, просто и крепко, смиренно их почитал, повиновался им, оказывая по мере сил уважение юным, зрелым и старцам.

Познав заповеди Божии и орденские, он их не преступал; младших себя не презирал, над себе равными не превозносился, старшим же не дерзал уподобляться – сих четырёх не творил, будто знал, что они суть корни гордыни. Дабы её избежать, он стал кроток и смирен сердцем, дабы сбылось о нём слово Господа, сказавшего ученикам Своим: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем (*Мф. 11:29*)».

И умножался, и возрастал благоверный Гоберт, укрепляясь от силы к силе (*ср. Пс. 83:7*) в доме Господнем, подобно пальме и кедрю Ливанскому (*ср. Пс. 91:13, 14*), в ветвях коих сирота находит прибежище, а вдовица унижаемая – сень защитную. А в дом сей [Божий] он часто входил и, всем телом своим истончившимся простершись пред Господом Саваофом, приносил в жертву лучшее, что имел – сердце сокрушенное и смиренное (*ср. Пс. 50:19*).

[43] Кроме того, ловко умея таиться, он всячески старался скрыть любую из добродетелей, что ежедневно в нём нарождались, словно опасаясь, будто его могут обокрасть, если он не спрячет сокровище благочестивого деяния. С года своего послушнического искуса он подавал явственные знамения будущей святости, а именно: отвращался от преходящего, ничего от мира не добивался, ничего не ставил выше любви Создателя, а стремился лишь к тому, что рождает плод истинной

добродетели. И, что всем полезно бы было, от первого же наития Святого Духа, он, ещё в юношеском своем новоначалии, так воспылал любовью к своему Создателю, что презрел всё, чем тешится жизнь смертных, а труждался в восхождении к жизни бессмертной.

Духовное воинствование благочестивого мужа питалось всеми добродетелями, коими стяжается Царство Небесное, ибо он презрел мир и уверился, что мир прейдет; и стал нищим ради Христа, дабы стать во Христе богатым. Сего нестигаемого согнуло благочестие; гордого склонило смирение; из льва он стал агнцем, ибо явил деяния мира силою веры, надежды и любви. Итак, тот, кто казался львом, сей тройственной вервью добродетелей соединяется ныне с Богом.

[44] Потому-то с печальными он вместе печалился (*ср. Рим. 12:15*), безутешных утешал, добрых увещевал к добру, а поскольку сердцем был мягок, то, исполненный благоутробия, давал убогим сосцы милости. Не расслаблялся он в благоденствии, но смеялся в злоключении, пускай даже исполненном пагубы, ведь мука ему была по вкусу, как сладость, ибо он знал, что скорбь, претерпеваемая за Господа рабами Христовыми, не бывает тщетна, потому что сила совершается в немощи (*ср. 2 Кор. 12:9*). В этом он подражал Апостолу и, как сказано, утешал безутешных и вообще всем делал добро, но наипаче прилежал своим по вере (*ср. Гал. 6:10*) и странникам, оказывая им утешение и большую вспоможение.

Сей Гоберт ради покаяния изнурял свою плоть и, ходя во свете (*ср. 1 Ин. 1:7*), который есть Христос, во всякое время как делом и истиною, так и словесною молитвою призывал Бога. Поскольку же он подвигом не пренебрегал, Пастырь добрый в нём свою овцу признал. И Бог, конечно, услышал того зов, кого в чистую одежду облёк – в любовь. В Иерусалим опять же ему дорога, ибо презрел он, как сказано, мир, и крепким сердцем возжелал Бога (*т.е., как я полагаю, он обрел мир душевный, ведь «Иерусалим» на еврейском языке означает «видение мира», о чём подробно можно прочесть у Серрария в гл. 10 «Толкования на Книгу Иисуса Навина», вопр. 2. – прим. изд.*). И поскольку, следуя Христу сердцем, он был соединён со Христом, то не полагался на сей мир.

[45] Ещё сей муж праведный покорялся праведным советам Божиим и возрастал в добрых делах, а доколе жил, очищаясь здесь [на земле] от греха смертного, он являл себя угодным Богу.

Никому благоверный Гоберт не подавал повода к соблазну, с улыбкой встречал скорби, помогал ближнему в нуждах, радовался тяготам и трудам, усердствовал в молитвах, ликовал в бдениях, веселился в постах, пламенел на божественных службах, внушал умиление целомудрием, был кроток и обходителен, исполнен любви к Богу и ближнему, и потому земной прибыли не добивался. Он также весьма часто посещал больных, утешал несчастных, по возможности поддерживал нуждающихся, прекращал расколы, враждующих изо всех сил примирял, обличал срамные дела ближних, любил Бога в членах Его [тела, т.е. в людях], одевал нагих, с

радостью предстоял на хвалах Божиих и лелеял истины вероучения. Посему он и приготовил себе место подле Христа.

С неразумными девами шагов он не замедлял, но с девами мудрыми и благоразумными на брачный пир поспешал (*ср. Мф. 25:1-13*). Елей милосердия в светильнике примера носил, все тело плащом примера облачил, тьмы внешней мудро избегал и у врат брачных Жениха ожидал, каковой его на брачный пир и ввёл. Вот так он к вечным радостям душу переправил, а потому ныне в вечных обителях со всеми Святыми живёт во славе.

[46] Монахи, замечая сии и подобные признаки и выдающиеся добродетели в новом воине Христовом, просветлённом горним посещением, полагали, что свершилось это явно не без Божественного совета и помощи, ведь при этом он подавал каждому пример столь глубокого смирения, что все почитали его с искренней любовью. Ибо же воистину он был приверженцем целомудрия и радушие в себе пестовал снисходительное до крайности, пылая к Богу и ближнему благоуханным огнём, а мирские вожеления угашая елеем покаяния.

Став монахом, он не только начал умом, словом и делом подражать во всякой благодати наставникам закона, боголюбия и нравственности, сиречь виллерским монахам, своим братьям, но даже превосходить их в благих добродетелях, словно карбункул среди россыпей простой гальки и солнце среди звезд. Затем за короткое время человек Божий, изменив нравы к лучшему, во всяком добром деле превзошёл своих наставников: простирая свои лучи, он, казалось, затмевал соседние звезды, отчего его можно было назвать светом, во тьме светящим (*ср. Ин. 1:5*). Ведь в сравнении с ним собратий, пускай и добрых, всё же в каком-то смысле можно было бы назвать тьмою, поскольку они не могли объять сияния его благодати (*там же*).

Итак, когда сей безбрачный муж, богатый этими святыми добродетелями и деяниями, сиял в общине (ecclesia) упомянутой обители над сверстниками и старцами, словно звезда дивная, многие из братии, воодушевившись его примером, избрали жизнь более блаженную.

[47] Не было также для человека Божия ничего неприятнее, чем оставить грех без покаянного наказания, словно бы он вспоминал слова Апостола: «Усмиряю и порабощаю тело моё» (*1 Кор. 9:27*). Скучный сон, одежда грубая, скудная пища, ложе жёсткое свидетельствовали о подвиге человека Божия. Дивное дело! Тот, кто некогда распутно предавался всяческим наслаждениям мирским, так научился усмирять распущенное тело суровым покаянием!

Сверх того, человек Божий, благоверный Гоберт, начал подчинять распущенную плоть божественному служению. И если в этих муках покаянных утомлённый язык порой умолкал, ум сердечный с неизменным благоговением Христа в псалмах воспевал, словно бы вспоминая слово апостольское: «Непрестанно молитесь» (*1 Фес.*

5:17); и слова святого Андрея, висевшего на кресте: «Молитесь не переставая, дабы диавол, который ходит вокруг, ища кого поглотить, был повержен и сокрушён победою рабов Господних».

[48] Так вот, хотя человек Божий был украшен таковым множеством столь прекрасных добродетелей и все его почитали, он [себя] презирал; все его любили, а он один себя ненавидел.

Таково Твоё, о Христе, в рабах Твоих прославление! Таково их самоуничижение ради любви к имени Твоему! Ибо душа, исполненная Духа Божия, несёт очевиднейшие Его знаки, сиречь добродетели и смирение. Если же и то, и другое в одной душе совершенно сочетается, то ясно, сие свидетельствует о присутствии Святого Духа. Ибо под великой защитой Божией находятся те, кто в этой жизни научились презирать самих себя. И как дар Святого Духа не связывается законом, так и жизнь истинно оценить можно лишь по свершённым делам, а не по явленным знамениям, ибо дело от дара, а не дар от дела.

Итак, благоверный Гоберт дар Святого Духа получил и благое сотворил. Ибо Бог обогатил его благодатью Святого Духа во внутреннем и внешнем человеке, сиречь духом премудрости и разума, духом совета и крепости, духом ведения и благочестия; не доставало ему и духа страха Господня (ср. Ис. 11:2).

[49] К возлюбленнейшему государю благоверному Гоберту, пожалуй, подобает отнести то, что через Соломона говорится от лица Церкви: «Левая рука Его – то есть Христова – у меня под головою, а правая обнимает меня» (Песн. 2:6).левой руке невесты принадлежат блага временные и земные; правой же – блага духовные и небесные. Блага телесные – это знатность семейства и благородство нравов, здоровье тела и красота. Блага правой руки суть святые добродетели, которые в настоящем просвещают душу, и жизнь вечная, которая сими добродетелями стяжается. Оба блага, то есть правой и левой руки, Соломон в другом месте изъясняет, когда говорит: «Долгоденствие – в правой руке ее, а богатство и слава – в левой» (ср. Притч. 3:16). Пока благоверный Гоберт жил в мирском образе, в доме его были слава и богатство; справедливость же его, которую он впоследствии снискал святым подвигом, пребывает во веки веков (ср. Вульг. Пс. 110:3).

[50] А сия справедливость его была такова, что он каждому воздавал должное. Ибо он старался чтить иноков, а скорее уж – Христа в иноках. Священников также, как орденских, так и светских, пускай даже нищих и на вид презренных, он чтил так глубоко, что перед совместной трапезой ни за что бы не омыл бы рук своих перед ними (видимо, в общем тазу. – прим. пер.); и подчеркнуто предпочитал их особам светским, пускай даже и знатным.

И поскольку страх Господень без любви менее ценен, он Бога превыше всего и паче всего любил, а также благоговейно боялся. А после Бога он превыше всех любил

Блаженную, и Благословенную, и Преславную Деву Марию, которая есть Матерь прекрасной любви (*Вульг. Сир. 24:24*), то есть Христа – источника, и начала, и виновника всей святой любви.

[51] Посему блаженнейший апостол Павел, который есть сосуд избранный, разумея славу избранных и божественное попечение о них, так молвит: «А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и возвеличил» (*ср. Рим. 8:30*). Четыре [вещи] здесь перечисляет преславный апостол: предопределение, призвание, оправдание, возвеличение. Первое вечно и является причиной трех последующих, ведь кого Бог от вечности предопределяет, тех Он во времени призывает, оправдывает и возвеличивает. Благоверного Гоберта, от вечности предопределенного, благодать Предопределяющего призвала в обитель святого подвига во то время и при таких обстоятельствах, какие ей были угодны (как было рассказано выше); призванного оправдала, [праведностью наделив] чрез сокрушение, исповедь, возмещение [за грехи] и отречение от собственности; ну и оправданного возвеличила чудесами и знаменами посмертными. О небесном же его возвеличении мы толком не можем сказать, ибо каково оно, нам неизвестно.

ГЛАВА III. БЛАЖЕННЫЙ ГОБЕРТ СУРОВО ПОРИЦАЕТ ЛЁГКИЙ ПРОСТУПОК; ЕГО СМЕРЕННОДУШИЕ И МОЛИТВЕННОЕ ПРИЛЕЖАНИЕ

[52] Ничего не было милее человеку Божию, благоверному Гоберту, чем питать члены свои не изысканною пищею, но грубою и скудной.

Посему однажды, когда он отправлялся по некоему делу в чужие края с неким своим собратом, монахом Петром (называю его не по вымышленному, а по настоящему имени), случилось им после нескольких дней пути остановиться под вечер на ночёвку в некоем городе. Утомлённые долгим и тяжким путем, изнурённые дневным зноем и трудами (*ср. Мф. 20:12*), они охотно вкусили отдыха (хотя Гоберт всегда был готов к труду), дабы немощная плоть не ослабела.

Тот монах, по имени Пётр, имевший при себе суммы, в которых носил дорожные припасы, велел выставить на стол яства во множестве и подать напитки. Оба в этом весьма нуждались, ибо после труда отдых как нельзя желательней, а после вкушения полыни (*absinthium*, «полыни» звучит очень похоже на *abstinentiam*, «поста». – прим. пер.) добрая пища и напитки кажутся медовыми. Съели они и попили столько, сколько было необходимо для [подкрепления] немощной плоти. Но благоверному Гоберту показалось, что они вкусили сие не воздержанно, а сверх меры наелись и напились. Совесть тайно его обвиняла в чертоге сердца за это. Когда укрепились они пищею и питьём, он не осмеливался поведать брату своему то, что скрывалось в его уме (доколе на следующий день не увидел, что похмелье прошло (*cordis jejunia remeasse*)), ибо знал, что Вакх, входя в грудь, не умеет терпеливо сносить укоряющие слова.

[53] Когда же наступило утро следующего дня, и человек Божий, благоверный Гоберт, пошёл с упомянутым Петром, собратом своим, по некой дороге, начал он наедине с упомянутым братом смиренно и благостно толковать о выношенных в сердце мыслях насчёт тех их расходов и изъяснять, как совесть его обвиняла его за это. А выразился он в следующих словах: «О, брат мой, господин Петр, весьма смущает меня совесть моя из-за расходов, которые мы допустили вечером. Ибо мы потратили не воздержанно, но сверх жизненно необходимого, поглотили временные блага до излишества, пренебрегши речением Мудреца, говорящего: «Только необходимое для пропитания моего уделай мне» (*ср. Вульг. Притч. 30:8*); и Апостола: «Мы ничего не внесли в этот мир, но ничего и не вынесем. Имея пропитание и одеяние, будем довольны тем» (*ср. 1 Тим. 6:7-8*). Не подобает нам также достояние Распятого тратить на излишества, ведь братъ мы оттуда можем лишь необходимое для себя и для главной нашей братии (*archifamiliae nostrae*); остальное же – возвращать бедным. Причём я потому говорю «возвращать», что достояние Христово по праву принадлежит бедным».

[54] [Много он ещё сказал] чего-то в этом роде, но дела благоверного Гоберта сообщали более, чем слова, словно в сердце его было написано следующее: «Клирики, имеющие бенефиции в церкви, суть домоправители, а не истинные господа, ибо домоправление лишь вверено им». И он как бы размышлял над словами Амвросия: «Когда мы помогаем бедным, мы даем им не наше, но их собственное». И как бы обдумывал слова Иеронима, сказанные в конце [толкования] на Иезекииля: «То, что освящено Господу, принадлежит не собственно тем, кому дано, но Тому, от Чьего имени они этим владеют» (*кн. XIV*). Следовательно, церковные блага принадлежат не собственно клирикам, но Христу и нищим.

Итак, человек Божий, как бы рассмотрев вышесказанное, познал, что церковное нельзя отдавать лицедеям, дабы не принесли его в жертву демонам, и нельзя расходовать на излишества, дабы не похитить у нищих Христовых то, что принадлежит им. Казалось, человек Божий обдумал и то, что в другом месте говорит досточтимый [писание]: «Уличается в похищении чужого тот, кто, как доказано, удерживает у себя сверх необходимого» (*Ambros., De officiis ministrorum, I, 28, 132*). Он поистине ничего не удерживал сверх необходимого, да и необходимого не удерживал, но всё, что мог, раздавал нищим. Ничего не оставлял на завтрашние потребности, но во всём подражал бл. Мартину, который не помышлял о завтрашнем дне.

Этими и многими другими [доводами] укоряя себя и брата своего, благоверный Гоберт сокрушался в приюте сердца своего о том, что расточил достояние Христово, так что можно было бы подумать, что он размышляет над словами Августина: «Под главою, терном увенчанною, не подобает члену быть изнеженным» (*судя по всему, не св. Августина, а св. Бернарда в Serm., V. – прим. пер.*).

[55] Однако брат Пётр не принял этого упрека благоверного Гоберта с сердечным почтением и не смирился со словами человека Божия спокойно; напротив, устремив

на человека Божия пронзительный взгляд, он, охваченный гневом, вознегодовал – да так, что от неукротимого возмущения, бурлившего во всех его внутренностях, он не мог ответить ни слова, но, как олень лесной не поддаётся ярму ему незнакомому, так и этот отбрыкивался от слов мягкого укорения.

Так они прошли они в тот день около трёх часов, и Пётр всё не отвечал благоверному Гоберту. А тот, видя, что своими справедливыми упреками вызвал в нём беспричинный гнев, огорчился из-за этого и скорбел. И чтобы упомянутого брата умиловать, он часто обращался к нему с ласковыми словами и успокаивал его, словно поразмыслив над речением Соломоновым: «Ласковое слово умножает друзей и умиротворяет врагов» (*Вульг. Сир. 6:5*).

[56] Видя же, что упомянутого монаха никак невозможно переубедить и дух его умиротворить, благоверный Гоберт сказал ему: «Брат мой, совершим службу Часов Создателю нашему». Тот согласился на это предложения, хотя и молча. И поскольку в Цистерцианском Ордене существует обычай при зачале Часов в обычные дни преклонять колени, они, подчиняясь уставу, сошли с коней и преклонили колени на земле. Когда же благоверный Гоберт увидел, что брат Пётр на земле, он, сложив ладони, опершись на локти и колени, и даже слегка прослезившись, смиренно и благостно попросил прощения за то, что, как видно, своим укором вызвал у упомянутого брата гнев.

Но мольбы человека Божия его совершенно не тронули; поистине, ожесточилось сердце Фараона (*ср. Исх 7:13, 22; 8:19 и т.д.*). Человек Божий смиренными словами и настойчивыми мольбами паки и паки усердствовал и твердо заверял, что ни за что не встанет, доколе не выпросит прощения за вышеупомянутое. Увидев это, брат Пётр снисходительно поднял его, усмиривши гнев.

[57] Дивное дело! Кто когда-либо слышал или видел подобное? О, чрезмерное и достойное смирение! Чтобы муж, возлюбленный Богом и людьми, жизнью и нравами непревзойдённый, красотою наипревосходнейший, воспитанием и родом – благороднейший из благородных, так просил прощения (причём, где прощения не требовалось, ибо прегрешения не было!) и у ног свирепой зверюги так преклонял колени! Сие деяние искренней любви и дивного смирения следовало бы увековечить, вырезав в камне, дабы оно не сгорело в дымном пламени зависти, и дабы наполнились корзины этим примером (то есть сердца читающих и слушающих – в укрепление и назидание), а частицы его не пропали (то есть дабы память отцов не предалась забвению) (*ср. Ин. 6:12-13*).

Очевидно же, что то было дело милосердия, ведь если бы человек Божий не любил Господа Бога своего, он никоим образом не пал ниц в ноги брату своему.

[58] Право же, это деяние можно назвать величайшей добродетелью, дивным и неслыханным смирением! Надо же: столь великий и славный муж, позабыв о

дворянском достоинстве, со сложенными ладонями преклонил колени, чтобы у ног бедного монаха просить прощения за не заслуживавшую наказания провинность! Поистине много благоверному Гоберту выпало услаждаться славой мирскою среди былых мирских занятий, но тем паче в монашеском облачении, пренебрегая мирскими условностями, он перед каждым и во всех обстоятельствах склонялся до земли, смиряя себя. Посему эта добродетель смирения в нем была совершенна, ведь слово «смиранный» (*humilis*) означает как бы «склонившийся до земли» (*humī acclivus*).

Итак, человек Божий явном внял сказанному в книге: «Не пользует собирать добродетели тому, кто не старается хранить смирение» (*по-видимому из монастырского сборника цитат для проповедей. – прим. пер.*), ведь, как молвил бл. Григорий: «Кто без смирения собирает добродетели, тот будто прах на ветру носит» (*Hom. VII, PL 76, 1103A*).

[59] Писание говорит: «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17), и в сем досточтимом муже, благоверном Гоберте, можно явственно распознать присутствие Духа Господня. Ибо он был наделен такой свободой духа и разума, что не только по доброй воле и по вольному благорасположению служил Господу Богу, отвращаясь от дурных поступков, но благодаря свободе духа и ради Бога не обращал внимания ни на какие [неприятные] слова, что ему говорили, ни на действия. И поскольку он добросовестно пользовался духовной свободой (с которой у него неизменно сочеталась, сохранившись до смерти, воля к благому житию), то благодать Божия умножала его волю к благому житию и к тому, чтобы никогда не грешить. Этим объясняется один случай.

Святой муж, благоверный Гоберт, должен был отправиться путь с неким трудным поручением, а с ним – некий монах по имени Радульф, кантор Виллерский. И вот, когда они были в пути и приблизилось время совершения Часов, благочестивый муж сказал монаху, своему спутнику: «Брат дражайший, настало время и приблизился уже час, дабы мы воздали наш долг Господу Богу, Создателю нашему – [Литургию] часов». А Радульф, пока был с ним, обычно пел Часы перед ним самостоятельно.

[60] И когда они прочитали канонический Час и начали вслед за тем Час Пресвятой Марии, случилось так, что им надлежало проехать через некую деревню. И вот, собаки той деревни подбежали и начали громко на них лаять. Человек Божий хотел было отогнать их от себя и от своего спутника рукавом своей кукуллы, но чем дольше он, не спускаясь с коня, их отгонял, тем меньше преуспевал, ибо они ещё настойчивее следовали за ними и ещё громче лаяли. Когда же благоговейный муж убедился, что лай собак мешает ему сосредоточиться на Литургии часов, он сказал монаху, своему спутнику: «Давай пока перестанем читать этот Час, пока не проедем деревню, ибо шум собачьего лая не даёт мне расслышать звук святых слов».

[61] Эти слова да послужат в обличение и укор клирикам, которые, вместо того, чтобы прилагать усердие к тому, что поют и читают, дабы понимать сие, сами по

своей небрежности отвлекаются, и теряют усердие, а потому и не понимают того, что поют или читают.

Сей же святой муж, хоть, будучи послушником, и не понимал того, что пелось или читалось, однако сказал: «Шум собачьего лая не даёт мне расслышать звук святых слов». Горе будет нам, имеющим знание для понимания того, что мы поём или читаем, если мы не внимаем или не прилагаем усердия! Ведь даже сей муж, не имевший присущего клирику разумения, чувствовал великую сладость сердечную от звучания святых слов! И хотел в сем почитать Бога, памятуя, как недостойно с Ним обошлись люди, и зная, что тем достойнее подобает Его за то чтить. Но пора возвратиться к ходу [повествования].

[62] Когда же они проехали деревню, благоверный Гоберт сказал монаху: «Совершим теперь Час блаженной Девы, который мы отложили из-за собачьего лая». По совершении его, святой муж снова сказал монаху: «Брат Радульф, скажи мне какое-нибудь слово утешительное, будь так любезен». Тот ответил: «Какое слово я смогу вам сказать, коли мне прямо сейчас ничего не приходит на память, что сказать?» На это благочестивый муж сказал: «Скажи мне, что означает собачий лай и на что он нам указывает». Радульф ответил: «Что иное мог бы ещё возвещать лай этих собак, кроме того, что они поступают, как им внушила природа?» На это святой муж сказал: «Послушай же меня, я научу тебя» (*ср. Иов. 33:33*). И сказал: «Как мы не обращаем внимания на лай этих собак, так и не должны мы обращать внимания на пересуды болтливых людей».

Тут мы можем усмотреть в человеке Божиим благородство сердца и стойкость духа. Ибо он, невзирая ни на что, ни сохранил кроткое расположение. И поскольку злословие не вызвало в нём гнева, то, следовательно, можно допустить, что и никакое одобрение не склонило бы его к тщеславию.

ГЛАВА IV. ВОЗДЕРЖАНИЕ БЛАЖЕННОГО ГОБЕРТА И ДЕЛА МИЛОСЕРДИЯ

[63] Однажды человек Божий, благоверный Гоберт, жестоко страдал от некоего телесного недуга, так что по крайней нужде ему волей-неволей пришлось лежать в кровати. Мало того, что его терзало от жала недуга, так ещё ему жутко захотелось куриного мяса, что часто случается при болезни в силу естественных причин. Однако в то время года такого мяса было маловато.

Поскольку же упомянутого мяса человеку Божию не досталось, то, дабы его бrenная плоть от чрезмерной немощи ещё более не ослабела, Бог (ибо Господь во время нужды и стеснения не оставляет уповающих на Него) во исполнение желаний раба Своего, послал человеку Божию двух куриц, явно по божественному промыслу.

[64] Когда их принесли, приготовив, и подали благоверному Гоберту, дабы он вкусил то, чего ему требовалось в недуге, и дабы слабая плоть «не ослабела в дороге» (ср. *Мф. 15:32*), он, словно бы обращаясь к своему болезненному чревоугодию, возроптал и сказал: «О, пагубное и нестерпимое чревоугодие! Ты, подобно ворону, всегда выискиваешь трупы, желая пожрать всё! Ты своею бесплодною ненасытностью тщетно пытаешься меня одолеть! Ты столько времени разило меня стрелою обжорства! Но не возобладают во мне скверны твоей распутной похоти. Отойди от меня, я не повинуюсь тебе! Нет, говорю, пищею, столь страстно мною желанной, я не утолю похоть плоти моей! Не поесть тебе, ненасытная ты утроба, кур этих, но изобилие сделает тебя нищей, дабы не господствовало надо мною незаконное чревоугодие и дабы благоволил ко мне Господь, как просил Давид, говоря: «Положи, Господи, охрану устам моим» (*Пс. 140:3*)». Тогда он начал расспрашивать, кто из братии более немощен, желая им отдать курятину, дабы хоть немного облегчить недуги их, уверенно говоря, что самому ему от них не будет никакого подкрепления.

О, свершение достодивное! Кто хоть раз видал, чтобы послушник из рыцарского сословия, привыкший лишь к мирскому, явил столько вежества? Кто так сумел бы, вооружившись всеми добродетелями, укротить строптивую ослицу плоти, словно бы размышляя о том, что человеческий род пал из-за страсти чревоугодия, и что из-за пресыщающего чрево обжорства человеческое тело (сосуд глиняный, для низкого употребления изваянный (ср. 2 *Тим. 2:20*)) склонно устремляться ко всяким греховным плотским наслаждениям.

[65] Поскольку, как было сказано выше, благоверный Гоберт так рьяно заботился о нищих, что ему едва хватало земных благ для этого, то установили для него меру и долю в подаении, так что он не мог подавать нищим более, чем определено. Да он, право, и не хотел превышать меру подаения, установленную ему начальствующими, ведь хотя до крайности велико было его горячее (и благозаконное) желание давать милостыню ради Бога, он всё же считал, что безопаснее будет повиноваться велениям своих предстоятелей и ордена. Он словно бы памятовал то, что молвит Писание: «Послушание лучше, чем жертва» (ср. 1 *Цар. 15:22*), и подражал Христу Господу, о Коем сказано: «Стал послушен даже до смерти» (*Флп. 2:8*).

Как при жизни в миру благоверный Гоберт тешил гордыню свою и тщеславие, так, исполняя монашеское служение, заботился о стяжании святых добродетелей духа, согласно речению Апостола: «Как вы предавали члены ваши в рабы... беззаконию для дел незаконных, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые» (*Рим. 6:19*). Человек Божий, благоверный Гоберт, отвергнув мирские и плотские желания, возлюбил доброе, согласно словам Пророка: «Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и стремись к нему» (*Пс. 33:15*). От зла он уклонялся, словно зная, что грех, не изглаженный покаянием, своим бременем влечет к другим [грехам]. Он творил всякое благо, сколько мог, так что его можно было бы описать тем речением Писания: «Святые будут идти от силы в силу» (ср. *Вульг. Пс. 83:8*; *лат. текст допускает значение «от добродетели к добродетели»*. – прим. пер.).

[66] Итак, наряду с прочими добродетелями, коими Господь Иисус Христос вооружил Своего рыцаря, благоверного Гоберта, Он особенно украсил его двойным

милосердием, а именно телесным и духовным. Что он имел телесное милосердие, это очевидно из его дел, ибо дела ясно свидетельствуют о человеке. Так, он голодным давал пищу, жаждущих поил, нагих одевал, странников принимал, больных навещал и прочие подобные дела милостивые, сколько мог, творил нищим Христовым. Когда он не мог подать милостыню осязаемую, он сам лично приходил посочувствовать нищим, согласно тому, что молвит Господь в Евангелии: «Всякому, просящему тебя, давай» (*Вульг. Лк. 6:30*); «тебя», – говорит Он, дабы никто не отговаривался, ибо всякий может лично прийти посочувствовать нищему ради Бога. Оттого бл. Августин говорит: «У праведного всегда найдётся, что дать».

Всякого рода милостыней просиял святой муж: мысленною, словесною и осязаемою. Итак, очевидно, что он был наделён телесным милосердием, ведь в вышеупомянутых деяниях выражается именно оно.

[67] Конечно же он, сколько мог, являл и духовное милосердие. Ибо скорбящих он утешал, добротворящих поощрял, нерадивых обличал, кичащихся злодеянием каким-либо побуждал к исправлению и возмещению [за грехи], и увещевал верных Христовых упорствовать во всяком деле благом (*ср. Кол. 1:10*). Грешников он обращал от ложного пути их (*ср. Иак. 5:20*), словом и действенным примером побуждая к добрым поступкам. Всё сие – признаки духовного милосердия, так что из вышесказанного очевидно, что он был им наделён. А поскольку (как это явствует из вышеизложенного) он смиренно и благостно, в совершенной любви к Богу, к самому себе и к ближнему неизменно в меру сил оказывал ближним оба милосердия, то в нём, как мне кажется, видно несомненного ученика Господа нашего Иисуса Христа.

Всякий раз, когда ему позволялось и имел возможность помочь нищим, он помогал им как только мог с пылким рвением ради Бога. И он не стыдился не только помогать им, но и служить; и так рьяно стремился служить он своему Создателю в членах Его [тела], что по хлопотливости мог бы сравниться с Марфой.

Подобным образом, когда он слышал, как какой-нибудь учёный вещает спасительные богословские речи, слушал так жадно, что мог бы быть назван Марией, сидящей у ног Господа и слушавшей слово Его, вместе с которой он избрал благую часть, которая не отнимется от неё (*ср. Лк. 10:39-42*).

[68] Однажды благоверный Гоберт встретил перед воротами Виллерского [монастыря] некую бегинку, совершенно обделённую мирскими богатствами. Хотя ради любви к своему Создателю она терпеливо влачила бремя нищеты, однако благоверному Гоберту призналась, что очень надеется на него. Бедняжка вынесла множество лишений, и среди прочего пожаловалась человеку Божию, что, у неё давным-давно не было башмаков, отчего она сильно изранила ноги, оббив их о камни на ухабистых дорогах, исколов о тернии и шипы.

Услышав сие, благоверный Гоберт восскорбел и опечалился. И принялся он обходить рухальни, высматривая, не удастся ли где добыть башмаки, чтобы облегчить нужду той бедняжки. Но поскольку новых башмаков он раздобыть для неё не смог, добыл по крайней мере старые, которые и подал упомянутой бегинке в милостыню. Но поскольку они были старыми и жёсткими до крайности, бегинка пожаловалась, что не сможет в них ходить, ибо их жёсткая кожа натрёт ей ноги.

Услышав это, человек Божий спросил её, чем можно смягчить жёсткую их кожу, ведь он в этого совершенно тогда не знал, ибо подобным вещам никогда не учился, прежде чем вступил в орден, хотя часто сам смазывал свои башмаки, после того как принял монашеское облачение. Бегинка ответила ему: «Сударь мой, их можно было бы слегка умягчить жиром или маслом».

[69] Итак, человек Божий немедленно помчался к помещению, где он пользовался подобными вещами, дабы там у кого-нибудь из работников испросить такой смазки, захватив с собой глиняный горшочек, который принесла уже не раз упомянутая бегинка. В этот горшочек ему налили жидкого масла. И направился он к воротам, где он оставил сидеть бедняжку, ибо желал отдать ей в милостыню масло, которое нёс в руке своей.

Когда же он приблизился к тому месту у ворот, где дозволялось сидеть женщинам, он увидел идущего ему навстречу некоего мужа, которого почитатели с суетной угодливостью величали благородным. Но такое благородство ни во что не ставится, ибо оно, по словам Философа, есть не что иное, как застарелое богатство (*Аристотель, Политика, VI, 8, 1294a 21-22: «...Благородство есть старинная доблесть и богатство». – прим. пер.*); и поскольку Господь, Которому служить – значит царствовать, нелицеприятен. Увидев того, кого во лживой мирской угодливости считали знатным, наш Гоберт спрятал горшочек, в котором скрывалась жидкая влага масла, себе за пазуху. [Поступил он так] не оттого, что его смущало служение Богу и бедным или он стыдился предстать посмешищем; он лишь не хотел, чтобы сердце Фараона ожесточилось от [естественного] человеческого негодования [при виде такого унижения бывшего вельможи].

[70] Когда же они обнялись, – то есть тот знатный муж и благоверный Гоберт, – масло у него за пазухой, вылившись, потекло по одеждам и всему телу, стекая до самой земли. Так что некоторые заговорили, будто он так тяжело болен чем-то, что не может удерживать мочу, а другие – что у него идет кровь. И хохотали, видя это, слуги мира сего ему в поношение. Человек же Божий, так осмеянный людьми, мог бы сказать со Христом: «Я стал поношением у людей и презрением в народе» (*ср. Пс. 21:7*). Но поскольку он не заботился о быстротечных цветах мира сего (*ср. Иак. 1:11*), то мог бы сказать с апостолом Павлом: «Для меня мир распят, и я для мира» (*Гал. 6:14*). Здесь [на земле] он не радел о дорогих одеждах, о волосах, заплетённых с золотом и жемчугом (*ср. 1 Тим. 2:9*), но [ходил] в одежде грязной по примеру бл. Иоанна Крестителя, которого Евангелист похвалил за суровость [к себе, проявлявшуюся в ношении] грязной одежды; а также стремился хоть в чём-то уподобиться первозданному [Адаму], которому Господь сделал кожаные ризы (*ср. Быт. 3:21*).

[71] Однажды человек Божий, благоверный Гоберт, держал путь из одной обители в другую, где ему надлежало исполнить некое дело. И не осталось у него ничего про запас для раздачи нищим, ибо от начальствующих, как было сказано выше, ему была отмерена некая доля, сверх которой ему ничего не дозволялось и не разрешалось уделять нищим. По всей же той области проносилась сильная буря и свирепствовало жуткое ненастье со снегом, градом и льдом, от чего путники на лютой стуже промерзали чуть ли не до костей.

Итак, когда дозволенная ему доля милостыни была почти вся роздана на нужды нищих, он встретил некоего бедняка, укутанного в скудные и ветхие одежды, промёрзшего до костей от лютого холода; и умолял тот благоверного Гоберта подать милостыню. Получив её, он попросил также и какой-нибудь одежды, чтобы прикрыть наготу свою телесную и защититься от лютого холода. А поскольку у Гоберта не было ничего, чем бы нищий тот мог прикрыть наготу (ибо одежды, в которые он был одет, ему не дозволялось отдавать), он, немного отойдя от нищего, снял с себя почти все свои одежды, дабы из сострадания разделить с упомянутым нищим холод и голод. Слуги же и собратья его спросили: «Что ты делаешь, сударь мой? От такого холода ты запросто можешь погибнуть». Он ответил: «Не могу я снести, видя, как члены Отца моего Распятого терпят такие лишения. Но поскольку мне нельзя отдавать ему ничего из моих одежд, то подобает мне хотя бы страдать с ним на равных, дабы послужить моему Создателю в членах Его».

Так благоверный Гоберт, хоть и неграмотный, однако божественной благодатью вдохновлённый, поступал согласно Священным Писаниям, так что мог бы сказать с Павлом: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2 Кор. 11:29).

ГЛАВА V. КАК ОН ВОЗВРАТИЛ В ОБИТЕЛЬ БЕГЛОГО МОНАХА

[72] Кроме всего этого был [ещё такой случай].

В одном аббатстве, что называется Долина св. Ламберта (*Валь-сен-Ламбер, разогнана и фактически уничтожена французскими революционными войсками в 1796 г. – прим. пер.*), жил некий монах по имени Иаков. Он был братом по плоти досточтимого Абунда, виллерского монаха. Этот брат Иаков за некий проступок был отослан своим начальством в Виллер, дабы, размышляя над своими провинностями, он творил там в течение установленного время покаяние. Пробыв какое-то время в упомянутом Виллерском аббатстве, он затомился так, что чуть не впал в уныние и, искушаемый диаволом, помышлял о том, чтобы удалиться от монашеского подвизания. Он весьма часто размышлял о том в сердце своём, а когда утвердился, немощная плоть его поддавалась диавольскому искушению, и, едва ли не отчаявшись и почти совершенно пав духом, он отделился от святого стада виллерских монахов и возвратился к мирским обычаям.

Услышав об этом, благоверный Гоберт опечалился из-за этих вестей и, пустившись вслед за упомянутым монахом, бегал по бездорожью, стараясь узнать, куда тот мог деться.

[73] Благоверный Гоберт разыскивал упомянутого монаха во многих местах, по полям и лесным тропам, и наконец нашёл беглеца близ некой деревни, что называется Меленский ручей. И стал он его упрашивать настойчивыми мольбами, говоря: «Не делай этого, брате дражайший, столь превратного дела не совершай! Негоже предпочитать надёжным [благам] – неверные, драгоценным – ничтожные, небесным – мирские, вечным – временные, духовным – плотские. Не отвергай предложенную тебе благодать, не уступай искушению. Но припомни то речение Мудреца: «Во всех делах твоих вспоминай о конце твоём, и вовек не согрешишь» (*ср. Сир. 7:39*). Памятуй, брате дражайший, и слова Пророка: «Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник — помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив» (*Ис. 55:7*).

[74] На это брат Иаков ответил: «Оставь, отче дражайший, перестань уж меня уговаривать так и эдак, ибо слова твоего увещания не приносят во мне плода спасения, и не буду я более подвизаться в монашеском облачении». На что ему благоверный Гоберт сказал: «А ты всё же вернись со мною в аббатство, дабы я знал, что ты внял моим мольбам». Отвечая, брат Иаков молвил: «Напрасно трудишься, отче кротчайший, ибо даже если я и вернусь с тобою сегодня, завтра же прямоком возвращусь к мирским обычаям». Когда благоверный Гоберт это услышал, то, поняв, что ожесточённое сердце монаха не удаётся склонить ни мольбами, ни увещаниями, он вспылал горячайшим человеколюбием, так что даже слёз не мог удержать от полноты искренней любви к Богу и ближнему, схватил упомянутого монаха в охапку, взвалил на плечи и, хотел тот или нет, снёс в аббатство Виллерское.

[75] Но не был в тягость человеку Божию труд огромный, и усилия, с сим трудом сопряжённые, не отвратили его от благого устремления. В итоге то, чего человек Божий не смог добиться увещаниями или мольбами, он совершил наконец напряжением сил своих. Так рыцарь Христов отвратил своего ближнего от ложного пути его, словно бы вспомнив то речение из Писания: «Обративший ближнего от ложного пути его спасёт душу от смерти и покроет множество грехов» (*ср. Иак. 5:20*).

Дивное дело! Кто когда слышал о подобном? Кто когда видал рыцаря, столь могучей любовью укреплённого, столь милостивым состраданием движимого, столь сладостным смирением исполненного? Поистине рыцарь сей, так усердствуя и ради спасения ближнего своего жизнь свою истощая, и на плечах своих возвращая в стадо заблудшую овцу, явил себя подражателем доброго Пастыря, Который душу Свою положил за овец Своих (*ср. Ин. 10:11*). Поскольку сей рыцарь крепко держался телесного и духовного милосердия, его можно было назвать совершенным учеником (*ср. Вульг. Лк. 6:40*).

Сверх того, сего брата Иакова, отделившийся от общества виллерских монахов, можно было сравнить с тем мужем, что путешествовал из Иерусалима в Иерихон (*ср.*

Лк. 10:30). Ведь от видения мира (*racis*; см. прим. о символике Иерусалима выше. – прим. пер.) он удалялся, когда от столь сладостного общества отделялся; в Иерихон поспешил, когда беглецом возвращался в миру грешить; к разбойникам угодил, когда к мирским наслаждениям сердечное влечение приложил. И поскольку не нашлось того, кто выручил бы, ибо ни священник, ни левит не оказали помощи, необходимо было, чтобы пришёл истинный Самарянин, который возложил его, полуживого, на «осла» (*jugo*) – тело своё и завёз в «гостиницу» – [обитель, назначенную ему для] покаяния. Короче говоря, с кем, как не с истинным Самарянином, можно сравнить благоверного Гоберта, который так милосердно сжалился над своим ближним, что на плечах своих вернул его в общество рабов Христовых? И поскольку «Самарянин» толкуется как «сторож», его по праву можно назвать Самарянином, ибо он именно устерёг ближнего своего. Сей благоверный Гоберт говорил как верный атлет Христов, а не как Каин. Каин ведь спросил Господа, не собственно вопрошая, но как бы иронически отрицая в словах: «Господи, разве я сторож брату моему?» (ср. Быт. 4:9). Но дела сего рыцаря свидетельствуют о нём (ср. Ин. 5:36), ибо он своими делами может как бы сказать: «Господи, я сторож брата моего Иакова!»

[76] Кажется, он весьма рассудительно обдумал то, что говорит Апостол: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6:2). Он не только носил бремя другого в сердце, но и всё тело ближнего своего понёс на своем теле. Аминь, аминь говорю вам, братья дражайшие, не нашёл я во времена мои сына в Израиле, который любил бы ближнего своего, как самого себя, подобно благоверному Гоберту, [не нашёл ни одного монаха, который бы] более, чем он, возлюбил (ср. Лк. 7:47). Он на ослице тела своего вернул к обители покаяния ближнего своего, не полуживого, но почти совсем мёртвого от дурных помышлений, даже против воли его. Он тот, о ком Писание молвит: «Не было подобного ему...; он сохранил закон Всевышнего» (Сир. 44:19). Не Авраам-патриарх, не Катон (классическая риторика. – прим. пер.), не Карментина грамматика (школьная книжность; Кармента – римская богиня, мифическая изобретательница латинского алфавита и грамматики, причём в средневековье фигура Карменты олицетворяла Грамматику – первую из «семи свободных наук». – прим. пер.) снабдили его путевым запасом науки; но, но Дух Святой научил его премудрости жизни и разума – той, говорю, премудрости, которая называется знанием, приправленным вкусом добродетелей.

Что ещё я могу поведать? С тех пор как благоверный Гоберт стал своим среди рабов Господних, он начал презирать мирские улады, словно некую смертоносную язву, а своего Создателя превыше всего любить, и Ему в созданиях Его услужать, зная, что служить Господу – значит царствовать.

ГЛАВА VI. БЛАГОГОВЕЙНАЯ МОЛИТВА БЛ. ГОБЕРТА; СЛЕПОТА; МИЛОСЕРДИЕ.

[77] После того как благоверный Гоберт приобщился к монашеской братии, он не только отказался от мирского воинствования, но и возгнушался им, как чем-то бессмысленным – ведь оно не чревато ничем вечной жизни благоприятствующим. Монашеское же воинствование он принял так, что во всём, в чем мог, подражал

подвигу своих братьев: усердствовал в постах, бодрствовал на ночных бдениях и утренних молитвах, согласно тому речению евангелиста, сказавшего: «Бодрствуйте, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Мф. 24:42, Лк. 12:40); и тому: «Если бы ведал хозяин дома, в который час придёт вор, то бодрствовал бы и не допустил бы подкопать дом свой» (Лк. 12:39). Также и Церковь поёт: «Да не будет напрасным ваш ранний подъём предрассветный» (*«Non sit vobis vanum, mane surgere ante lucet»* – аллюзия на Пс. 126:2; *вступительный антифон утрени первого воскресенья В. поста. – прим. пер.*). Вот и он не считал напрасным занятием угождать своему Создателю ранним предрассветным служением.

Однако же немощная плоть его, которую долгое время питала распущенность, часто впадала в сон; и не удивительно, что плоть вновь требовала того, что усвоила от привычек запятнанной пороками природы. Посему человек Божий постоянно носил с собой перец, которым будил плоть, клонившуюся ко сну. Всякий раз, когда во время утренней службы плоть требовала сна, он разжёвывал перец [и держал] между зубами, пока от его остроты всё тело не пробуждалось. Так человек Божий укрощал свою плоть и подобными способами запечатлевал в плоти своей благоговение пред Создателем.

[78] Во время Четыредесятницы, а именно в Великую пятницу, сиречь день Страстей Господних, когда Христос искупил избранных, которые, как Он предугадал, будут Его [достоянием, соединясь с Ним] верою и делами; в тот день, когда община Виллерская пребывала в усерднейшей молитве, а весь народ христианский паче обычного прилежал исполнению благочестивого долга, случилось так, что в оный святейший день на некий хутор (*curiam*), принадлежащий Виллерской обители (*скорее всего ферма, указываемая ныне Ferme de l'abbaye de Villers (de la BasseCour), расположенная в 600 м на юг от аббатства. прим. пер.*) нагрянул некий многонусный рыцарь. Причём рыцаря этого называли неудачно – Годфрид де Винзе (*возможно, писатель намекает на фламандское слово winnen, которое означает «приобретать», «выигрывать», и смысл в том, что упомянутый рыцарь неудачно назван Винзе (Winze), ибо он был виновником разорения, а не приобретения. – прим. AASS*), а название хутора Герундиум Виллерский этимологически толкуется как «Двоеприносящий», поскольку он доставляет Виллерскому аббатству два [вида провизии], а именно хлеб и рыбу (*как следует из контекста, название Gerundium (Герундиум) составлено из слов gerit duo (приносит два). – прим. AASS*).

Этот-то хутор упомянутый рыцарь сатаны со своими сообщниками жестоко разграбил в тот самый день, и [работников], кого там застал, увёл вместе с прочим скотом, и со своими сообщниками нагло похитил и унёс много движимого имущества заодно с алтарными украшениями. Братьев же, которых он там застал, подверг жестоким побоям. Так тот тиран разорил упомянутый хутор.

Когда об этом услышали в Виллерском аббатстве, среди братьев началось великое смятение. Они многими мольбами вместе с аббатом просили благоверного Гоберта, чтобы он отправился в упомянутое место и посмотрел, что там случилось. Благоверный Гоберт внял жалостным мольбам аббата и братии, но поскольку из-за того, что рыцарь сатаны в сей святейший день учинил такое разорение, ему теперь

надлежало отправиться на упомянутый хутор, он столь страшно стал сокрушаться, что, когда уже должен был выйти из аббатства, от чрезмерной сердечной тревоги и ужаса лишился вещественного, или, иначе сказать, телесного, света (*ослеп. – прим. пер.*).

[79] Очевидно же, что благоверный Гоберт был не в силах в святейшее время Страстей Господних взирать на безобразное бесчестие тиранического грабежа. Поэтому по Божественному провидению он лишился телесного света на три дня, подобно тому как Тело Господне три дня пребывало сокрытым во гробе. Итак, то, что благоверный Гоберт при виде столь великого злодеяния лишился света телесных очей, и в нем угас свет мирской, означает три времени гонителей Церкви, а именно: настоящее, прошедшее и будущее, когда они лишаются истинного света, ибо всё свое время тратят на дела злобы. Даже в тот святейший день искупления избранных злодеи не захотели ни на один час умерить свою злобу. И как блаженное Божество на третий день восставило Тело Господне к жизни, так и к благоверному Гоберту на третий день возвратился телесный свет.

[80] Однажды случилось так, что человек Господень, благоверный Гоберт, по некоему делу отправился в пределы Намюрские, а с ним – некий виллерский монах по имени Радульф, кантор той же обители. Проходя некое селение оной провинции под названием Жамблу, они вели между собой весьма назидательную беседу. И когда они так вместе шли и, коротая дорогу, разговаривали друг с другом, среди прочего, о чем они говорили, человек Господень, движимый состраданием к бедным, [завёл речь] также [и о них], спросивши монаха: «Брат Радульф, а есть ли у тебя какая-нибудь милостыня для раздачи бедным?» На это монах Радульф ответил: «Есть, но я не хочу давать её всем подряд, а постараюсь уделить тем, кто наипаче нуждается». Шли они так да беседовали, и подошли к некоему селению, где встретили женщину, несшую на голове сыры в корзине. Увидев её, муж милосердный, движимый состраданием, прищпорив коня, опередил монаха, дабы тот не услышал, о чем заговорит с женщиной.

[81] Когда же, отдалившись от монаха, он подъехал к женщине, смиренно приветствовал её и сказал ей: «О, добрая женщина, нуждаешься ли ты в милостыне?» Женщина же удивилась, почему он предложил такое, ибо она была такова, что не попросила бы ни у кого милостыни, если бы человек Господень, благоверный Гоберт, её прежде к этому не побудил. Сняв с головы корзину с сырами, женщина начала смиренно просить милостыню, сказав: «Воистину, судари мои, мне весьма нужна добрая милостыня, или хоть что-нибудь хорошее». Посему благоверный Гоберт сказал ей: «Проси же скорее, ибо следующий за мной монах даст тебе милостыню». Все это было сказано прежде, чем тот монах приблизился. Благоверный Гоберт, видя приближающегося монаха, сказал женщине: «Теперь проси милостыню в присутствии этого монаха». Когда она попросила, благоверный Гоберт сказал монаху: «Брат Радульф, слышишь – эта бедняжка весьма нуждается в милостыне? Дай же ей». На это монах ответил: «Разве вы не видите по этой женщине, что она в достатке и не нуждается в милостыне? Смотрите, она несёт сыры и яйца на голове в корзине. Если бы она была бедна, то, прежде чем вы поощрили бы её просить, она, возможно, сама попросила бы у нас милостыню». На это славный муж ответил: «Нет, нет, дражайший, всё-таки дай ей милостыню и пускай себе идёт».

На что монах Радульф сказал: «Сударь, я хочу найти своей милостыне применение получше, чем у этой женщины». На это благоверный Гоберт сказал: «Эй, дражайший, разве ты не слышал, что она сказала: «Я взаправду ох как бедна и весьма нуждаюсь в милостыне»? Дай же ей, не медли более». Короче говоря, волей-неволей монаху пришлось ей подать, а когда женщина, получив своё, ушла, братья отправились по своим делам.

[82] Воистину, благоверный Гоберт, ты можешь именоваться отцом нищих, заступником сирот и вдов! Ты с бедненькой женщиной заговорил в пути, сострадая её нужде и убожеству. Ты подражал Христу, Который говорил с женщиной у колодца (ср. Ин. 4:7-26). Тот просил у неё пить; ты же повелел женщине, чтобы она у тебя и у твоих спутников попросила какого-нибудь вспоможения. Попроси же и ты за нас Господа, дабы по твоему заступничеству Он даровал нам отпущение всех грехов, и дабы мы удостоились достичь Царства Небесного по милости Того, Кто живёт и царствует Бог во веки веков.

Оканчивается вторая книга Жития благоверного рыцаря Гоберта.

КНИГА III. КОНЧИНА БЛАЖЕННОГО ГОБЕРТА

Когда приближалось время победы человека Божия, благоверного Гоберта, когда предстояло ему одержать пальму триумфа над всеми мирскими пороками, когда Господь Иисус Сам готов был призвать раба Своего к жизни вечного воздаяния и увенчать главу его лавром бесконечного блаженства, – по тонкому и весьма дивному стечению обстоятельств Господь Бог, как любвеобильнейший отец, избавил возлюбленного сына Своего, благоверного Гоберта, от всякого водоворота и искушения, таящихся в море мира сего, и извел его из темницы плотского рабства с триумфальными песнопениями и ангельскими гимнами. [А произошло это] следующим образом.

Ибо когда приблизилось время, в кое благоверный Гоберт, призванный на брачный пир Небесного Царя, отказавшись от любых отговорок, не покупая ни пары волов, ни поместий, без всякой уловки или сомнения, просто и прямо устремился на вечерю (ср. Мф. 22:1-14; Лк. 14:16-24) Пасхального Агнца – так вот в то же самое время случилось, что герцогиня Брабантская по имени Алейда, овдовев и лишившись мужниного присмотра, начала притеснять общину св. Петра в Жамблу. По совету неких зложелателей она попирала её права, присваивала себе права монахов упомянутого места и так разоряла названную общину, что дурная слава о столь великом преследовании достигла ушей благоверного Гоберта.

Ввиду сего восскорбел аббат и с ним обитель Жамблуская о том, что герцогиня безжалостно попирает их права. И поскольку они не могли избежать этой напасти, весьма многими мольбами единодушно упрашивали благоверного Гоберта, дабы он обратился к герцогине с просьбами, так чтобы она, смягчившись мольбами

благоверного Гоберта, позволила упомянутому аббату Жамблускому и общине пользоваться своими правами. Итак, благоверный Гоберт, видя, что их жалобы справедливы, настолько близко к сердцу принял их бедствия и жалобы, так что едва смог удержаться от слез, и взялся за их дело, обещав добиться чего только сможет.

[84] Итак, они повели с собой человека Божия, благоверного Гоберта, к герцогине, дабы он спасительными увещаниями исторг из её сердца терния и волчцы. Во время поездки конь благоверного Гоберта, который от обжорства и праздности стал непослушным и необузданным, начал при ударах шпор брыкаться. Приблизившись к месту, где был затруднён проезд, он с силой рванул вперёд и свалился наземь, повергнув своего седока. Благоверный Гоберт упал под коня лицом вниз с такой силой, что казался почти бездыханным. Спутники благоверного Гоберта, увидев сие, ужаснулись, подняли его и, перекрестив, сказали ему: «Возвращайся-ка в Виллерское аббатство, отче благочестивейший, ибо у тебя безостановочно течёт кровь с лица; ты не сможешь доехать с нами до назначенного места». Благоверный Гоберт, желая добиться правосудия в упомянутом деле, сказал в ответ: «Я не возвращусь, не завершив дела, которое я с горячим воодушевлением взялся довести до конца, и от которого никакие трудности не смогут меня отвратить. Ибо в защиту Церкви я готов идти на труд и на смерть, и какие бы жестокие испытания не выпали на мою долю, сие горячее воодушевление не угаснет».

[85] Так Гоберт, муж благочестивейший (хотя на нём не было живого места, он весь кровоточил) доехал к герцогине. При виде сего отталкивающего зрелища герцогиня огорчилась и в ужасе спросила, что случилось и кто учинил человеку Божию такое насилие. Он, отвечая, молвил: «Сударыня моя герцогиня, это ты нанесла мне раны сии, и никто иной, кроме тебя, не пролил кровь мою из тела моего». А герцогиня ему: «Что ты говоришь, отче благочестивейший?! Ни за какие сокровища мира я не попыталась бы тебе такого сделать!» На что ей благоверный Гоберт молвил: «Если бы ты не притесняла прав бл. Петра Жамблуского, этого бы со мной не случилось». А Герцогиня сказала ему: «Как это с тобой произошло, желаю услышать». На что благоверный Гоберт ей молвил: «Услыхав зловещую молву о том, сколь многими и страшными разбоями ты разоряешь права уже упомянутой общины, я поспешил к тебе с чрезмерной быстротой, дабы вознести тебе смиренные мольбы по упомянутому делу. Как говорит философ: «У всякого порыва подступ часто бывает труден» (неточн. цит. из Овидия *Rem.*, 120: «*Difficiles aditus, impetus omnis habet*»; в пер. М. Л. Гаспарова: «Там, где напор не иссяк, труден бывает подход». – прим. пер.). Оттого и случилось, что я внезапно и непредвиденно упал под коня, а конь, [что был] подо мной – со всего маху на меня. Я же, пав ниц, так сильно изувечился, что из-за обильного кровотечения одежды мои и все члены окрасились в алый багрянец».

[86] Когда герцогиня узнала это и многое другое, что случилось с человеком Божиим, она горько восскорбела о том, что по её вине с человеком Божиим такое приключилось, и стала расспрашивать благоверного Гоберта, не поможет ли ему выздороветь какое-либо лекарство. На что ей благоверный Гоберт ответил: «Если хочешь, сударыня моя, ты можешь очистить меня от сего телесного увечья» (ср. *Мф.* 8:2). На это герцогиня, торопясь ответить, воскликнула: «Если я как-то смогу тебя исцелить, ни мука, ни труд, ни расходы не смогут удержать меня от твоего лечения!» А благоверный Гоберт, отвечая ей, молвил: «Если ты тихо-мирно оставишь доброму

Петру Жамблускому его права, и не станешь более их умалать, я восприму это так, словно ты целиком излечила мое тело, а дух мой оставила в радости. Истинно говорю тебе: небезопасно разорять права небесного привратника. Ибо, как говорит апостол, дела каждого, будь они добры или злы, последуют за ним (*ср. Откр. 14:13*). Выслушав эти слова, герцогиня, уязвленная жалом правосознания, перед многими мужами, достойными веры, произнесла в ответ такие слова: «Отныне и навек я оставляю права бл. Петра Жамблуского в полной неприкосновенности и от всякого на них посягательства отказываюсь».

[87] Так благоверный Гоберт вернул упомянутой общине церковные вольности, и за Невесту Христову пролил кровь свою, и претерпел темницу смертную, и, как видно из вышесказанного, даже Христу подражателем стал.

И вот по завершении сего предприятия благоверный Гоберт, мучаясь тяжелейших и жесточайших увечий, возвратился в обитель свою иноческую. Когда же братья Виллерские увидели его, столь страшно изувеченного, все здания (*officinas*) аббатства огласил громкий плач братьев. Видя его, измученного болями, они говорили: «Подобает тебе, брате благочестивейший, [непременно] тебе подобает отдохнуть в лазарете, доколе не восстановишь здоровье». Он же молвил в ответ: «Мне так приятно обитать с братьями моими, такую мне это радость приносит (*ср. Пс. 132:1*), что при жизни моей я всегда хотел оставаться в их обществе, да и при смерти не хотел бы с ними разлучаться». А они тогда сказали ему: «Ты не сможешь, брате благочестивейший, будучи изувечен и немощен, выносить монастырские труды». В итоге муж благоверный Гоберт, не устояв пред здравыми увещаниями братьев, уступил их мольбам. Итак, монахи всем скопом, заботливо отвели благоверного Гоберта в лазарет.

[88] Там благоверный муж возлёг на одре. Тело его из-за множества тяжких увечий распухло, и день ото дня ему становилось всё хуже. И как сила в немощи совершается (*ср. 2 Кор. 12:9*), как золото в горниле испытывается, и как железо шероховатое напильником острым выравнивается до блеска, так и человек Божий, чем более внешне терзался немощью телесной, тем глубже, укрепленный верою, а также исповедью и прочими таинствами (*virtutibus*), со своим Создателем соединялся.

Удивительно, как, целиком преданный служению Божию, он беспокоился о том, что делается для нищих; и всегда, даже в самые мучительные мгновения недуга, размышлял о своём Создателе и сосредотачивался умом на Католической вере и таинствах алтаря. Видя это, братья его устроили пред ним алтарь Господу, желая так исполнить желания благоверного Гоберта, дабы он прямо там [в лазарете] мог ежедневно созерцать свершение божественной Евхаристии. К нему ежедневно приходили во множестве монахи и, освящая верою вместе со служащим иереем «благую, и непорочную, и угодную Жертву» Тела Господня, утешали тем дух благоверного Гоберта. Сию Евхаристию муж Божий принимал верным сердцем, так что забывал о телесной немощи и не желал от неё избавляться, зная, что кого Бог любит, тех обличает и наказывает (*ср. Евр. 12:6*); и то [изречение вспоминая]: «Кто изымается из-под бича, тот изымается из числа чад».

[89] Причём человек Божий еретическим безрассудством не колебался, но утверждал в сердце веру, основанную на апостольской истине. Если же Католическая вера содержала нечто, чего человеческий разум не в силах постичь, благоверный Гоберт всё равно в это веровал крепко и преданно, согласно тому книжному изречению: «Если божественное действие постигается разумом, оно уже не удивительно; и вера не имеет заслуг, когда человеческий разум предоставляет для неё доказательства» (*Св. Гр. Вел., Hom. XX in Evang. Ioan – прим. пер.*). А поскольку он на счастье себе легко разрешился от славы мирского воинствования, всякое суемыслие мирского воинствования завидовало его счастливым деяниям. Своим братьям он служил как только мог: старшим и равным служил со искренним сердцем, простой набожностью, крепкой любовью в словах, мыслях и делах; младшим же ради Бога так повиновался, что не считал их равными себе, но, если бы было дозволено, снимал бы и чистил им обувь. Ибо своих по вере он почитал с дивной нежностью, и при кончине наставлял их, дабы не обманул их тот хитрый искуситель, который не перестаёт подстерегать неразумных, чтобы обмануть неосторожных и пожрать обманутых, а пожирая, не может насытиться.

[90] Ради любви к ближним человек Господень, благоверный Гоберт, любил земную жизнь, а надежда на утешение в жизни вечной побуждала его земную жизнь презирать. Так душу ему раздирали противоположные желания; ибо он желал жить с братьями и горячо стремился вознестись ко Христу. Однако в сердце он утверждал лишь волю Христову, и пылало в нём желание [исполнить] заповедь Создателя своего. Хотя его уже одолевал недуг и увечья подвели к смертельной черте, он по-прежнему не отступал от благоговейной любви к своему Создателю, Дух Коего [поощрял] его к покаянию во многом... (*текст здесь неразборчив. – прим. AASS*)

[91] Итак, человек Божий, благоверный Гоберт, вываренный в телесных муках увечья и недуга, очистился от муты [греховной] и в истинной вере и искреннем благочестии оставил ближним своим спасительный пример. В год Господень 1263, в день Св. Бернарда, который тогда пришелся на августовскую среду, в утренний час, а именно на второй страже в канун того же праздника, благоверный Гоберт вострепетал всем телом и отдал дух Создателю своему в полнейшем покое на глазах у монахов и прочей братии, что, столпившись вокруг, плакали и пели.

Его блаженную душу несёт не один лишь хор ангельский, но неисчислимое множество легионов, и ликов, и чинов блаженных духов несут её с ликованием на увенчание вечное.

Итак, саму душу несёт хор ангелов, поющих и хвалящих Бога, а бездыханное тело сопровождает шествие плачущих монахов и прочей братии.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW